

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

МОДЕСТЬ ГОФМАНЬ

Е. А. БОРАТЫНСКИЙ
(Биографический очерк)

IM WERDEN VERLAG
МОСКВА - AUGSBURG 2003

Текст печатается по изданию:
Боратынский Е. А. Полное собрание сочинений / Под редакцией и с
примечаниями М. Л. Гофмана. — СПб, 1914-15. Том 1, стр. XVII-XC

© ФЭБ. Электронная HTML-публикация, 2002
© Im Werden Verlag. PDF, 2003

<http://www.imwerden.de>
info@imwerden.de

I.

Евгеній Абрамовичъ Боратынскій принадлежитъ къ старинной дворянской фамиліи, родоначальникомъ которой считается Дмитрій Божедаръ, прославившійся своими побѣдами надъ врагами Венгрии. Потомки Дмитрія Божедара стали называться Боратынскими по имени замка Boratyn („Божья оборона“), которымъ они владѣли, и уже сынъ Дмитрія Божедара подписывался Dmitry de Boratyn. Внукъ послѣдняго былъ приближеннымъ короля Сигизмунда-Августа и получилъ званіе кастеляна города Пржемысла и старосты Самбора; онъ умеръ въ 1558 году въ Краковѣ, похороненъ въ королевскомъ соборѣ, и на его памятникѣ сохраняется надпись, въ которой онъ названъ Pietro Boratinsky. Правнукъ Петра Боратынскаго — Иванъ Петровичъ Боратынскій — въ концѣ XVII столѣтія оставилъ Польшу и переселился въ Россію, гдѣ, перейдя въ русское подданство и принявъ православіе, получилъ помѣстье въ Бѣльскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи (имѣніе Голощапово) *).

Немногое мы знаемъ объ Абрамѣ Андреевичѣ Боратынскомъ, но и это немногое рисуешь образъ отца поэта въ самыхъ симпатичныхъ чертахъ. А. А. Боратынскій началъ службу свою 18-ти лѣтъ подпрапорщикомъ XVIII Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскомъ полку (въ 1785 году) и 22-хъ лѣтъ участвовалъ въ войнѣ противъ шведовъ. Письма Абрама Андреевича къ родителямъ, сохранившіяся отъ этой поры, свидѣтельствуютъ о его простомъ, благородномъ мужествѣ и мягкомъ, чувствительномъ сердцѣ. вмѣстѣ съ А. А. служили въ Петербургѣ его братья — Богданъ и Петръ, и самая нѣжная и крѣпкая дружба связывала троихъ братьевъ.

Черезъ фрейлину Нелидову узналъ о братьяхъ Боратынскихъ Наслѣдникъ Престола Павелъ Петровичъ и приблизилъ ихъ къ себѣ, особенно полюбивъ и привязавшись къ Абраму Андреевичу. Довѣріе Наслѣдника къ своему новому любимцу выразилось въ томъ, что молодой 24-х лѣтній поручикъ былъ произведенъ въ томъ же году въ секундъ-майоры и назначенъ командиромъ Павловской, Гатчинской и Каменно-Островской команды, особенно близкой сердцу Павла Петровича. Въ этой командѣ А. А. пробылъ два года, и за эти два года Павелъ I при постоянныхъ личныхъ сношеніяхъ могъ близко узнать и оцѣнить А. А. Боратынскаго, благоволеніе къ которому онъ выражалъ своими постоянными подарками. „Еще вамъ, батюшка, доложимъ, писалъ А. А. своему отцу въ 1792 году, мы милостію Его И. В. столько облагодѣтельствованы, что невозможно изобразить сими строками! Его попеченія столько объ насъ велики, что онъ яко чадолубивый отецъ печется о составленіи намъ благополучія“. Въ 1796 году вступилъ на престолъ Императоръ Павелъ, и черезъ нѣсколько дней (14 ноября) А. А. Боратынскій писалъ отцу: „Милостивый государь Батюшка! Имѣю честь поздравить васъ съ нашимъ милостивымъ императоромъ, котораго вступленіемъ первое дѣло было изливать неисчетныя

*) См. М. Боратынскаго „Родъ Дворянъ Боратынскихъ“, приложение къ „Лѣтописи Историко-родословнаго общества въ Москвѣ“ за 1910 годъ, стр. 52-69, а также и В. В. Руммеля „Родословный сборникъ Русскихъ дворянскихъ фамилій“, т. I, С.-Пб. 1886 г.

всѣмъ милости. — Я опять не забыть: меня вспомнилъ государь на четвертый день вступленія. Я взятъ къ нему въ адъютанты съ чиномъ полковника. Вчерашній день ввечеру я поздравленъ, а сегодня уже вступилъ въ должность. Я ни у кого не въ командѣ, кромѣ самого государя“. И послѣ восшествія на престолъ Павла I Абрамъ Андреевичъ не успѣваетъ сообщать своему отцу о цѣломъ рядѣ милостей: 5 декабря 1796 г. братьямъ Абраму и Богдану Андреевичамъ было пожаловано помѣстье Вяжля (въ Кирсановскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи) съ двумя тысячами душъ, 1 января 1797 года А. А. произведенъ въ Генераль-Майоры, 17 мая назначенъ командиромъ Лейбъ-Гренадерскаго полка, 7 августа получилъ орденъ св. Анны I ст. и московское командорство, состоящее изъ нѣсколькихъ деревень, въ октябрѣ — домъ и т. д. и т. д.

Въ декабрѣ 1797 года Абрамъ Андреевичъ посватался къ любимой фрейлинѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Александрѣ Ѳеодоровнѣ Черепановой, блестяще окончившей Смольный институтъ, образованной и умной — получилъ согласіе, и 29 января 1798 года произошло вѣнчаніе родителей поэта. „Въ 29-й день Генваря свершилась судьба моя, — писалъ А. А. — Предъ престоломъ самого Бога я клялся вѣчно соблюсти мой обѣтъ, — я его не нарушу. Я нашелъ друга искренняго мнѣ по сердцу моему, я счастливъ. Батюшка! порадуйтесь благополучію преданнаго вамъ сына и благословите его хоть заочно. Она всѣмъ намъ другъ и будетъ вѣчно. Третій день, какъ я вступилъ въ сей священный союзъ, и вижу въ себѣ уже великую перемену: буйность пылкихъ страстей исчезла; еще въ первый разъ ощущаю тихое спокойствіе въ душѣ моей; дружество и любовь я ощущаю вмѣстѣ, и каждая изъ нихъ наперерывъ даетъ мнѣ чувствовать мое счастье“.

Неизвѣстный біографъ Александра Андреевича Боратынскаго (дяди поэта) *) такъ характеризуетъ Александру Ѳеодоровну Боратынскую, мать поэта: „.....Въ семействѣ Андрея Васильевича (дѣда поэта) было еще одно существо, которое непременно должно было имѣть сильное вліяніе на Александра Андреевича: то была жена его брата, Александра Ѳеодоровна Боратынская. Ее точно можно было назвать необыкновенной женщиной: въ ней благородство характера, доброта и нѣжность чувства соединились съ возвышеннымъ умомъ и почти неженской энергіей. Что-жъ удивительнаго, что она поразила Александра Андреевича, и что онъ привязался къ ней всѣми силами своей пылкой души. Была-ли это одна возвышенная симпатія, или чувство болѣе исключительное и страстное, — трудно рѣшить, но дѣло въ томъ, что эта пламенная привязанность навлекла на себя неодобреніе всѣхъ почтенныхъ членовъ семейства Боратынскихъ, и Александра Ѳеодоровна, слишкомъ гордая и прямодушная, чтобы переносить даже предположенія, совершенно удалилась отъ молодого человѣка...“.

Пока Боратынскіе радовались своему семейному счастью, Абрама Андреевича такъ же внезапно постигла опала, какъ внезапно началось и его быстрое движеніе, и 6-го сентября 1798 года, въ чинѣ генераль-лейтенанта, онъ былъ уволенъ отъ службы.

Выйдя въ отставку, А. А. Боратынскій уѣхалъ въ свое тамбовское помѣстье Вяжля и поселился въ той его части, которая носитъ названіе *Мара*. Дѣятельная натура Абрама Андреевича не могла примириться съ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, и, выбранный на должность тамбовскаго губернскаго предводителя дворянства, онъ удѣлялъ много времени губернскимъ дѣламъ, заботясь, между прочимъ, о распространеніи просвѣщенія и о поддержаніи училищъ. Хозяйственныя заботы также увлекли бывшего фаворита Павла I; онъ пристрастился къ своей „Марѣ“ и устроилъ изъ нея роскошное и красивое имѣніе,

*) Небольшой набросокъ біографіи Александра Андреевича Боратынскаго находится въ Татевскомъ архивѣ.

соорудивъ въ немъ съ большимъ вкусомъ бесѣдки, мостики, гроты, каскады, тропы и пр. Несомнѣнно, что А. А. обладалъ значительнымъ вкусомъ и чувствомъ изящнаго, какъ о томъ свидѣтельствуется и его сынъ-поэтъ, рисуя въ своемъ „Запустѣннѣ“ „заглохшій Элизей Мары“, тропы въ которомъ „художникъ опытный нѣкогда провелъ“. И Мара, замѣнившая своими интересами и заботами военную службу, тѣмъ болѣе могла давать удовлетворенія Боратынскому, что являлась его творчествомъ. Поэтъ Боратынскій потерялъ своего отца очень рано и впослѣдствіи говорилъ: „мнѣ память образа его не сохранила“; но въ Марѣ онъ въ каждой тропинкѣ, въ каждомъ деревѣ чувствовалъ невидимое присутствіе отца и восклицалъ въ своемъ „Запустѣннѣ“:

Онъ не былъ мыслию, онъ не былъ сердцемъ хладенъ,
Тотъ, кто глубокой нѣги жаденъ,
Ихъ своенравный бѣгъ тропамъ симъ указалъ,
Кто, преклоняя слухъ къ мечтательному шуму
Сихъ кленовъ, сихъ дубовъ, въ душѣ своей питалъ
Ему сочувственную думу.
Давно кругомъ меня о немъ умолкнулъ слухъ,
Пріяла прахъ его далекая могила,
Мнѣ память образа его не сохранила,
Но здѣсь еще живетъ его доступный духъ;
Здѣсь, другъ мечтанья и природы,
Я познаю его вполне:
Онъ вдохновеніемъ волнуется во мнѣ,
Онъ славить мнѣ велитъ лѣса, долины, воды;
Онъ убѣдительно пророчитъ мнѣ страну,
Гдѣ я наследую безсмертную весну,
Гдѣ разрушенія слѣдовъ я не примѣчу,
Гдѣ въ сладостной сѣни невянущихъ дубровъ,
У нескудѣющихъ ручьевъ,
Я тѣнь священную мнѣ встрѣчу.

Скучать Боратынскимъ не приходилось въ этомъ уголкѣ степной Тамбовской губерніи: по званію губернскаго предводителя дворянства, А. А. Боратынскій поддерживалъ отношенія съ помѣщиками, и гостепріимная Мара служила центромъ, куда собирались не только изъ сосѣднихъ имѣній — Любичей, Умета, Оржевки, но и изъ болѣе отдаленнаго Бекова и изъ Пензы. Мирная жизнь бывшихъ любимцевъ Императора и Императрицы ничѣмъ не прерывалась, и, окруженные такими просвѣщенными сосѣдями, какъ напр. Хвошинскіе и Кривцовы, занятые хозяйственными дѣлами, они мало тяготились деревенскою жизнью, тѣмъ болѣе, что скоро начались и другія заботы — заботы о дѣтяхъ, которымъ они и отдались всею душою.

Черезъ два года послѣ свадьбы Боратынскихъ, 19 февраля 1800 года, у нихъ родился старшій сынъ — Евгеній.

II.

Дѣтство Евгенія Абрамовича Боратынскаго протекло въ исключительно-счастливой обстановкѣ, и если въ 20-хъ годахъ, испытавъ гоненія рока, Боратынскій говорилъ:

Все мнится, счастливъ я ошибкой,
И не къ лицу веселье мнѣ, —

то менѣ всего эти слова можно отнести къ его первой дѣтской порѣ.

Вообще, если внимательно взглянуть въ условія всей жизни Боратынскаго, то окажется, что жизнь поэта слагалась далеко не такъ несчастливо, какъ это представляется большинству его біографовъ, и источникъ пессимизма, составляющаго основу поэзіи Боратынскаго, надо искать не во внѣшнихъ условіяхъ жизни, не въ жизненныхъ неудачахъ, а въ болѣе глубокомъ — въ натурѣ поэта и въ томъ направленіи его ума, которое заставляло его искать осмысленности міра и жизни, подчиненныхъ вѣчнымъ, непреклоннымъ и тягостнымъ (какъ это часто казалось Боратынскому) законамъ. Но все же веселье никогда не было къ лицу Боратынскому, и въ 25 лѣтъ онъ писалъ своему другу Н. В. Путятѣ: „Во мнѣ веселость — усиліе гордаго ума, а не дитя сердца. Съ самаго дѣтства я тяготился зависимостью и былъ угрюмъ, былъ несчастливъ“.

Повидимому, поэтъ говоритъ въ данномъ случаѣ о той порѣ дѣтства, которая скорѣй можетъ быть названа юностью: маленькій „Бубинька“, какъ его звали, не могъ жаловаться на судьбу, окружавшую его радостями и заботами любящихъ людей: онъ росъ въ счастливой семейной обстановкѣ тихимъ, задумчивымъ мальчикомъ, жадно воспринимавшимъ всѣ впечатлѣнія окружающаго его маленькаго міра и чутко отзывающимся на его радости и горести. Ребенокъ развивался очень скоро, не по лѣтамъ. Рано обнаружившіяся его способности привлекли на него вниманіе всѣхъ членовъ обширнаго семейства Боратынскихъ, а его нешумный, тихій нравъ, необыкновенная чуткость и сердечная мягкость сдѣлали „Бубушу“, „Бубиньку“, „Бубочку“ всеобщимъ любимцемъ. Изъ обширной переписки родителей поэта съ его дядьми и тетками мы узнаемъ о такомъ исключительномъ отношеніи къ „необыкновенному ребенку“, на эпитеты которому не скупятся его родные. Такъ, когда родители собирались отпустить поэта погостить къ дѣдушкѣ — Андрею Васильевичу, то, какъ пишетъ крестная мать поэта, М. А. Панчулидзева, „батюшка и мы до слезъ были тронуты и заставляли брата Александра Андреевича много разъ повторять, какимъ образомъ онъ къ намъ собирался“; „какъ мы благодарны, милая сестрица, — пишетъ Екатерина Андреевна Боратынская — что вы намъ писали нѣсколько словъ Бубинькиныхъ. Батюшка самъ перечитывалъ это мѣсто нѣсколько разъ“. Поздравляя Абрама Андреевича съ рожденіемъ третьяго сына — Льва Абрамовича — М. А. Панчулидзева не можетъ придумать лучшаго пожеланія новорожденному, какъ то, чтобы онъ „былъ такъ же хорошъ, какъ мой милый Бубинька“.

О томъ, какъ любили поэта его родители, нечего распространяться, — это слишкомъ явствуетъ изъ слѣдующихъ отзывовъ Абрама Андреевича, характеризующихъ поэта въ его дѣтскомъ возрастѣ: „Это такой ребенокъ, что я въ жизни моей не видывалъ такого добронравнаго и хорошаго дитя.... Бубинька 2 года не только розги, но ниже выговору не заслужилъ: рѣдкій ребенокъ!...“ 15 іюня 1805 года (т. е. когда Боратынскому было пять лѣтъ) А. А. пишетъ своему отцу, А. В. Боратынскому: „Бубинька уже выучился грамотѣ и

теперь писать. У него, благодаря Бога, понятие очень хорошее, и мы, игравши с нимъ, его учимъ. — Мы выписали учителя, котораго мы ждемъ изъ Петербурга“.

Этотъ выписанный учитель былъ прославленный Боратынскимъ „дядька-итальянецъ“ Боргезе, оказавшійся образованнымъ человекомъ и очень хорошимъ воспитателемъ. Мальчикъ очень скоро привязался къ своему новому воспитателю, умѣвшему всегда ладить съ дѣтьми и заинтересовывать ихъ, и сохранялъ чувство привязанности и признательности къ нему до самой своей кончины. Осенью 1806 года родители Боратынскаго уѣхали въ Москву, оставивъ своего сына на попеченіе дяди Богдана Андреевича, и послѣдній сообщаетъ, что „Бубинька ведетъ себя очень хорошо и учится весьма успѣшно“, за что, по мнѣнію Б. А., слѣдуетъ быть признательнымъ г. Боргезе, „который по истинѣ того достоинъ“. Шести лѣтъ Боратынскій уже говорилъ и писалъ по-французски и служилъ переводчикомъ въ разговорахъ своего дяди съ воспитателемъ-итальянцемъ. Боргезе, повидимому, положилъ начало знакомству поэта съ французской литературой; большое вліяніе на впечатлительнаго мальчика оказывали также живыя рѣчи Боргезе о природѣ и искусствѣ Италіи, и Боргезе, тосковавшій по своей родинѣ, „отчизнѣ лучезарной“, сумѣлъ внушить и своему воспитаннику любовь къ классическому итальянскому міру. И память живыхъ рѣчей дядьки-итальянца никогда не ослабѣвала въ Боратынскомъ: онъ мечталъ объ Италіи въ своемъ финляндскомъ уединеніи, мечталъ въ Москвѣ и въ 1831 году восклицалъ:

Небо Италіи, небо Торквата,
Прахъ поэтической древняго Рима,
Родина нѣги, славой богата,
Будешь-ли нѣкогда мною ты зрима?
Рвется душа, нетерпѣньемъ объята,
Къ гордымъ остаткамъ падшаго Рима!
Снятся мнѣ долы, лѣса благовонны,
Снятся упавшихъ чертоговъ колонны!

И русская поэзія должна съ благодарностью къ Боргезе отмѣтить, что сны объ „упавшихъ чертоговъ колоннахъ“, „благовонныхъ лѣсахъ и долахъ“, любовь къ красотѣ — вызвалъ въ Боратынскомъ его первый „дядька“. Только въ 1844 году, въ годъ своей смерти, удалось поэту осуществить свои сны, и тогда онъ мысленно обратился къ Боргезе, который

Самъ глаза сомкнулъ, когда мірскія сѣти
Ужъ поняли тобой взлелѣянные дѣти;
Когда, свидѣтели превратностей земли,
Они глубокой взоръ уставить ужъ могли,
Забвенья чуждыя за жизненною чашей,
На итальянскій гробъ въ оградѣ церкви нашей.
А я — восклицалъ Боратынскій:
Я — съ памятью живыхъ твоихъ рѣчей —
Увидѣлъ роскоши Италіи твоей...

Извѣстно, что въ дѣтствѣ у Боратынскаго было еще два гувернера-француза, но о нихъ мы ничего не знаемъ, и поэтъ не вспоминаетъ о нихъ, между тѣмъ какъ онъ не

забываетъ въ письмахъ къ матери изъ Пансіона и изъ Пажескаго корпуса передавать привѣты „au bon M-g Bogies“, а въ 1817 году, отвѣчая на письмо своего бывшаго дядьки, пишетъ ему: „.....оставьте, пожалуйста, эти отвратительные титулы низжайшаго слуги: нѣтъ ничего, что бы я такъ ненавидѣлъ, какъ эту нелѣпую вѣжливость. Я хочу названія друга: съ этимъ названіемъ мы разстались. До свиданія, мой старый другъ, будьте здоровы“.

Слѣдуетъ упомянуть, наконецъ, и о томъ воспитательномъ и художественномъ значеніи, какое имѣла на поэта природа, окружавшая его въ дѣтствѣ; завѣтный долъ Мары Боратынскій называетъ „привѣтнымъ лелѣвателемъ“ его „первыхъ думъ“. Чуткій къ людямъ, поэтъ былъ не менѣе чутокъ и къ природѣ и своими произведеніями доказалъ, что ему не чуждъ былъ „говоръ древесныхъ листовъ“, и что онъ самъ

Ручья разумѣлъ лепетанье.

Воспоминаніе о родной природѣ, въ которой онъ провелъ свое дѣтство, всегда было для Боратынскаго священнымъ воспоминаніемъ. Этимъ воспоминаніемъ онъ дорожилъ всю свою жизнь, и во всѣхъ важныхъ случаяхъ мысленно обращался онъ къ своей родинѣ. Такъ, въ 1827 году, на другой годъ послѣ женитьбы, Боратынскій привелъ подъ „сѣнь святую“

... соучастницу въ мольбахъ:
Мою супругу молодую
Съ младенцемъ тихимъ на рукахъ

и въ слѣдующихъ строфахъ привѣтствовалъ Мару, послѣ того, какъ упали съ его рукъ „судьбой наложенныя цѣпи“:

... вновѣ
Я вижу васъ, родныя степи,
Моя начальная любовь.
Степного неба сводъ желанный,
Степного воздуха струи,
На васъ я въ нѣгѣ бездыханной
Остановилъ глаза мои.
Но мнѣ увидѣть было слаще
Лѣсъ на покать двухъ холмовъ —
И скромный домъ въ садовой чашѣ —
Приютъ младенческихъ годовъ.

Я твой, родимая дуброва! — восклицалъ поэтъ и высказывалъ затаенное, глубокое желаніе остаться подъ хранительнымъ кровомъ родины:

Пускай, пускай въ глуши смиренной,
Съ ней, милой, быть мой утая,
Другихъ урочищей вселенной
Не буду помнить бытія.
Пускай о свѣтѣ не тоскуя,
Предавъ забвенію людей,

Кумиры сердца сберегу я
Одни, одни въ любви моей.

Въ 1833 году Боратынскій посѣтилъ свою „святую сѣнь“ осенью и далъ намъ дивную картину запустѣнія Мары. Въ этой картинѣ удивительно сочетались дѣтскія воспоминанія о Марѣ, какой она была при жизни его отца, съ картиною ея увяданія въ унылую осеннюю пору:

Я посѣтилъ тебя, плѣнительная сѣнь,
Не въ дни веселые живительнаго мая,
Когда зелеными вѣтвями помавая,
Манишь ты путника въ свою густую тѣнь;
 Когда ты вѣешь ароматомъ
Тобою бережно взлелѣянныхъ цвѣтовъ:
 Подъ очарованный твой кровъ
 Замедлилъ я моимъ возвратомъ.
Въ осенней наготѣ стояли дерева
 И непривѣтливо чернѣли;
Хрустѣла подъ ногой морозная трава,
И листья мертвые, волнуясь, шумѣли;
 Съ прохладой рѣзкою дышалъ
 Въ лицо мнѣ запахъ увяданья;
Но не весеннего убранства я искалъ,
 А прошлыхъ дней воспоминанья.
Душой задумчивой, медлительно я шелъ
Съ годовъ младенческихъ знакомыми тропами;
Художникъ опытный ихъ нѣкогда провелъ.
Увы, рука его изглажена годами!
Стези заглохшія, мечтаешь, пѣшеходъ
Случайно протопталъ... Сошелъ я въ долъ завѣтный,
Долъ, первыхъ думъ моихъ лелѣятель привѣтный!
Пруда знакомаго искалъ красивыхъ водъ,
Искалъ прыгучихъ водъ мнѣ памятной каскады;
 Тамъ, думалъ я, къ душѣ моей
Толпою полетятъ видѣнья прежнихъ дней...
Вотще! лишенная хранительной преграды,
 Далече воды утекли,
 Ихъ ложе поросло травою,
Пріютъ хозяйственный въ немъ улья обрѣли,
И легкая тропа исчезла предо мною:
Ни въ чемъ знакомаго мой взоръ не обрѣталъ!
Но вотъ, попрежнему, лѣсистымъ косогоромъ,
Дорожка смѣлая ведетъ меня... обвалъ
 Вдругъ помотилъ ее... Я сталъ
И глубь нежданную измѣрилъ грустнымъ взоромъ;
Съ недоумѣніемъ искалъ другой тропы.

Иду я, — гдѣ бесѣдка тлѣеть,
 И въ прахѣ передъ ней лежатъ ея столпы,
 Гдѣ остовъ мостика дряхлѣеть.
 И ты, величественный гротъ,
 Тяжело-каменный, постигнуть разрушеньемъ
 И угрожаетъ ужъ паденьемъ.
 Бывало, въ лѣтній зной, прохлады полный сводъ!
 Что-жь? пусть минувшее минуло сномъ летучимъ!
 Еще прекрасенъ ты, заглохшій Элизей,
 И обаяніемъ могучимъ
 Исполненъ для души моей.

Въ 1808 году поэту исполнилось 8 лѣтъ, и вскорѣ послѣ того Боратынскіе переѣхали въ Москву.

Дѣтство поэта еще не прошло, но прошла первая, счастливо-безмятежная пора дѣтства, тѣсно связанная съ Марою и ея бытомъ. Въ Москвѣ Боратынскій узналъ и первое настоящее горе: 24 марта 1810 года умеръ его отецъ, Абрамъ Андреевичъ. Всѣ заботы о воспитаніи дѣтей перешли къ матери, и Александра Ѳедоровна проявила въ этомъ случаѣ большую энергію и, совершенно отказавшись отъ всякихъ удовольствій и личной жизни, посвятила свою жизнь дѣтямъ.

А. Ѳ. съ такимъ участіемъ входила въ маленькій мірокъ съ его радостями и горестями, что дѣти видѣли въ ней не столько воспитательницу-мать, сколько нѣжнаго и вѣрнаго друга, которому можно все рассказать, такъ какъ онъ все пойметъ и во всемъ приметъ не снисходительное, а горячее участіе. Такая дружба существовала въ особенности между матерью и ея старшимъ сыномъ — Евгеніемъ Абрамовичемъ. Александра Ѳедоровна какъ-то особенно сильно и болѣзненно привязалась къ поэту и такъ тосковала и страдала въ разлукѣ съ нимъ, что послѣдній, почти что для спасенія ея жизни, долженъ былъ въ послѣдствіи выйти въ отставку (послѣ полученія перваго офицерскаго чина), да и въ позднѣйшіе годы, среди всевозможныхъ дѣлъ и заботъ, не забывалъ часто навѣщать свою мать и писать ей *).

III.

Послѣ смерти мужа, А. Ѳ. Боратынская оставалась съ дѣтьми въ Москвѣ весь 1810 годъ и въ началѣ слѣдующаго года вернулась въ Мару.

Хлопоты ея объ Евгеніи Абрамовичѣ были успѣшны, и Высочайшимъ указомъ отъ 7 сентября 1810 года Боратынскій былъ зачисленъ въ Пажескій Его Императорскаго Величества Корпусъ. Черезъ 1/2 года, ранней весной 1812 года мальчикъ былъ отвезенъ

*) Письма Боратынскаго къ матери сохранились въ большомъ количествѣ и составляютъ едва-ли не половину всей собранной нами переписки поэта; къ сожалѣнію, эти письма имѣютъ небольшой интересъ, сравнительно безвѣстны и рѣдко могутъ служить матеріаломъ для біографіи Боратынскаго. Исключеніе составляютъ его дѣтскія и юношескія письма, въ которыхъ онъ дѣлится съ своимъ другомъ-матерью всѣми впечатлѣніями, чувствами и мыслями; изъ этихъ писемъ складывается образъ поэта — ученика Пансіона, кадета Пажескаго корпуса и юноши, исключеннаго изъ корпуса „за негодное поведеніе“, юноши, о которомъ всѣ окружающіе говорятъ не иначе, какъ восторженно.

въ Петербургъ и отданъ въ частный нѣмецкій пансіонъ Вильки-Коллинса для подготовки къ поступленію въ Пажескій Корпусъ *).

Въ первый разъ приходилось Боратынскому разставаться на долго съ матерью, съ братьями и сестрами, съ гувернеромъ Боргезе, со всѣмъ, къ чему уже привыкло въ счастья его сердце. Но Петербургъ привлекалъ къ себѣ мальчика новизной впечатлѣній, и въ кругу многочисленныхъ товарищей-сверстниковъ надѣялся онъ найти тѣ удовольствія, которыхъ былъ лишень дома. Съ удовольствіемъ поэтому ѣхалъ Боратынскій въ Петербургъ, но уже первое письмо 12-ти лѣтняго мальчика дышитъ разочарованіемъ и грустью: „Нева теперь вся очистилась отъ льдинъ, сколько парусныхъ лодокъ и кораблей! Но вмѣстѣ съ тѣмъ, маменька, безъ васъ все мнѣ кажется неладнымъ. Когда я уѣзжалъ, я еще не чувствовалъ всей тягости нашей разлуки, я не зналъ ея; но теперь, маменька, какая разница! Петербургъ поразилъ меня своею красотою, все мнѣ казалось счастливымъ, но здѣсь со всѣми были матери. Я думалъ, что съ товарищами мнѣ будетъ весело: но нѣтъ, всякій играетъ съ другимъ, какъ съ игрушкой, безъ дружбы, безо всего! Какая разница, когда мы были съ вами! Послѣдніе дни, хотя мнѣ было грустно, я все же чувствовалъ удовольствіе быть еще съ вами, и — сказать вамъ откровенно — я думалъ, уѣзжая, что мнѣ будетъ гораздо веселѣе съ мальчиками моихъ лѣтъ, чѣмъ съ маменькой, потому что она уже большая; но увы, я очень ошибся! Я думалъ найти дружбу, а нашелъ лишь холодную притворную учтивость, расчетливую дружбу: пока у меня было яблоко или что другое, всѣ были моими друзьями, но потомъ все было опять потеряно..”

Увѣривъ себя въ такомъ первомъ разочарованіи въ людяхъ, маленькій Боратынскій начинаетъ сторониться отъ людей и замыкается въ себѣ, проводя свой досугъ въ занятіяхъ математикой и рисованіемъ, къ чему онъ имѣлъ большія способности и влеченіе, и въ чтеніи книгъ. Будучи еще въ пансіонѣ, Боратынскій абонировался въ библіотекѣ Плюшара, и книга стала его близкимъ другомъ. Передъ нимъ открылся новый міръ — міръ французской литературы, поэзіи и философіи XVIII-го вѣка. 12-ти лѣтній мальчикъ, кажется, всего больше увлекался Вольтеромъ и энциклопедистами; легкая французская поэзія была ему въ то время мало знакома, вліяніе эротической поэзіи Парни, столь популярной у насъ въ началѣ вѣка, его мало коснулось, и поэтъ могъ впоследствии говорить съ полнымъ правомъ, что „Цитерскихъ истинъ возвѣститель“ —

Парни — ни братъ, ни свать,
Совсѣмъ не онъ отецъ мой крестный.

*) Въ матеріалахъ для біографіи Е. А. Боратынскаго, хранящихся въ Казанскомъ и Татевскомъ архивахъ, а также въ собраніяхъ сочиненій, поступленіе поэта въ Петербургскій пансіонъ и письма оттуда къ матери датируются то 1808, то 1811 годомъ; но въ виду того, что у Вильки-Коллинса Боратынскій пробылъ всего полгода, поступивъ туда весною, а въ декабрѣ 1812 года явился изъ Пансіона въ Пажескій корпусъ (что извѣстно по официальнымъ даннымъ), мы приняли годомъ поступленія въ Петербургскій нѣмецкій пансіонъ — 1812 годъ. Датировать письма изъ пансіона 1808 годомъ нѣтъ никакихъ основаній, такъ какъ съ 1808 по 1810 г. Боратынскій былъ съ родителями въ Москвѣ, письма же къ матери онъ пишетъ изъ Петербурга и обращаетъ ихъ къ одной Александрѣ Феодоровнѣ, совершенно не упоминая объ отцѣ, хотя и перечисляя поименно всѣхъ родственниковъ, которымъ передаетъ поклоны, — это служитъ доказательствомъ того, что письма свои поэтъ писалъ послѣ смерти отца, т. е. послѣ 24 марта 1810 года. Только при томъ предположеніи, что Евгенийъ Абрамовичъ былъ отвезенъ въ Петербургъ въ самомъ началѣ 1812 года, можно согласовать пребываніе его въ пансіонѣ съ его свидѣтельствомъ о томъ, что, оставивъ въ Москвѣ „могилу дорогую“,

Опять увидѣли мы вотчину стенную

(а мы еще 27 декабря 1810 года застаемъ Боратынскаго въ Москвѣ); кромѣ того, намъ извѣстны письма поэта, отправленныя роднымъ изъ Мары въ 1811 году.

Съ обширной французской классической литературой XVII и XVIII вв. онъ однако хорошо ознакомился, и это знакомство сильно повліяло на выработку его міровоззрѣнія, склоннаго къ рационализму, къ господству мысли надъ чувствомъ. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы въ юности да и впослѣдствіи — въ зрѣлыхъ годахъ — у Боратынскаго надъ чувствомъ преобладала мысль, но борьба мысли съ чувствомъ, обозначившаяся такъ ярко и рѣзко въ 30-хъ годахъ, провѣрка мыслию чувства — начинается еще въ эту отроческую пору жизни поэта. Рационализмъ французской литературы, на которой Боратынскій учился мыслить, повліялъ на него тѣмъ сильнѣе, что онъ былъ еще въ первомъ дѣтствѣ задумчивымъ и впечатлительнымъ мальчикомъ, и вліяніемъ именно французской литературы объясняется та склонность къ резонерству, которая обнаруживается въ немъ въ отроческую пору. И это резонерство часто скрываетъ отъ нашихъ глазъ мягкаго, сердечнаго и отзывчиваго мальчика, какимъ знали и любили Боратынскаго всѣ родственники. Кто не упрекнетъ — но совершенно несправедливо — 14-ти лѣтняго усерднаго читателя и поклонника французской литературы, утѣшающаго свою мать въ ея горѣ такими словами: „Мы узнали съ величайшею горестью о кончинѣ нашей бабушки. Я не имѣлъ счастья знать ее, но если она напоминала васъ, какъ бы я любилъ ее! Мнѣ понятно ваше горе, но подумайте, милая маменька, это законъ природы. Мы родимся для того, чтобы умереть, и, нѣсколькими часами раньше или позже, должны покинуть маленькій атомъ пыли, называемый землею. Будемъ надѣяться, что въ лучшемъ мірѣ мы снова увидимся съ тѣми, къ которымъ мы здѣсь дорожили. Богъ любитъ насъ и, безъ сомнѣнія, не захочетъ воздать намъ безотрадною вѣчною за жизнь, наполненную столькими горестями. Сегодня мы отдадимъ послѣдній долгъ памяти нашей бабушки. Ежели эти обряды могутъ быть ей полезными, это, конечно, великое утѣшеніе для сердца. Быть можетъ, это заблужденіе, но я люблю его, оно утѣшаетъ меня въ печали. Прощайте, милая маменька. Я бы желалъ, чтобы утрата эта не слишкомъ сокрушала васъ; не смѣю сказать вамъ: забудьте о ней; я знаю, это слишкомъ тягостно для чувствительнаго сердца“.

Письмо это несомнѣнно навѣяно чтеніемъ, и книжно звучатъ выраженія „законъ природы“, „атомъ пыли“, сомнѣнія въ пользѣ обрядовъ, но всѣ эти книжныя выраженія свидѣтельствуютъ всетаки о тяжелой душевной драмѣ.

Чтеніе французскихъ поэтовъ пробудило въ Боратынскомъ желаніе писать стихи, и отъ этого времени его пребывания въ пансіонѣ сохранилось одно французское стихотвореніе — довольно гладкое стихотворное посланіе къ матери. Чтеніе французскихъ классиковъ и увлеченіе математикой и рисованіемъ помѣшали Боратынскому хорошо усвоить нѣмецкій языкъ, мало распространенный въ русскомъ обществѣ; вслѣдствіе плохого знанія этого языка, поэтъ могъ поступить только въ четвертый классъ Пажескаго корпуса, хотя по другимъ своимъ познаніямъ онъ отвѣчалъ требованіямъ старшаго класса.

Въ декабрѣ 1812 года Боратынскій поступилъ въ Пажескій корпусъ и черезъ два мѣсяца писалъ матери о томъ впечатлѣніи, какое на него произвело новое училище: „..... Меня экзаменовали и помѣстили въ 4-й классъ, въ отдѣленіе г-на Василія Осиповича Кристофовича. Ахъ, маменька, какой это добрый офицеръ *), при томъ же онъ знакомъ дяденькѣ. Лишь только я опредѣлился, позвалъ онъ меня къ себѣ, рассказалъ все, что касается до корпуса, даже и съ какими изъ пажей могу я быть другомъ. Я къ нему хожу

*) Въ письмѣ къ Жуковскому въ 1823 году Боратынскій писалъ объ этомъ „добромъ офицерѣ“, какъ о пьяницѣ, который возненавидѣлъ поэта съ перваго взгляда и сталъ его преслѣдовать.

всякой вечеръ съ другими пажами, которые къ нему ходятъ. Онъ только зоветъ къ себѣ тѣхъ, которые хорошо себя ведутъ... Встаемъ мы въ 5 часовъ, въ $\frac{1}{2}$ 6-го на молитву — до 6-ти, потомъ къ чаю до $\frac{1}{2}$ 7-го, въ классы — въ 7 до одиннадцати, въ 12 обѣдать, а потомъ въ классы отъ 2-хъ до $\frac{1}{4}$ -хъ. Въ 7 часовъ и въ 8 часовъ ложимся спать...“ Хорошее впечатлѣніе произвелъ и новый пажъ на своего воспитателя, который приблизительно въ то же время (аттестация къ 1 марта 1813 года) отзывался о своемъ воспитанникѣ такъ: „Боратынскій — 13-ти лѣтъ, вступилъ въ корпусъ 1812 года, поведенія хорошаго, нрава хорошаго, опрятенъ; штрафованъ не былъ, греческаго закона, 4-го класса“. Боратынскому, хорошо подготовленному, было не трудно учиться въ корпусѣ, и онъ весною 1813 года, послѣ пасхальныхъ вакацій, проведенныхъ у П. А. Боратынскаго, выдержалъ блестяще экзамены и перешелъ въ 3 классъ, удостоенный награды „за успѣхи въ наукахъ и добронравіе“.

Первый годъ корпусной жизни окончился для Боратынскаго благополучно, — онъ привыкъ къ корпусу и полюбилъ его. Осенью онъ возвращался въ корпусъ съ охотою, какъ о томъ свидѣтельствуется М. А. Панчулидзева, сообщавшая 15 сентября 1813 года матери поэта, что „Бубуша въ корпусъ уже въ другой разъ; это мѣсто ему лучше всѣхъ нравится“.

Мы не знаемъ подробностей о дальнѣйшемъ пребываніи Боратынскаго въ корпусѣ, но, какъ можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ и по отзывамъ корпуснаго начальства, любовь его къ корпусу ослабѣвала, мальчикъ сталъ сильнѣе скучать по дому, становился все болѣе и болѣе скрытнымъ и, занятый работою мысли и своими любимыми занятіями — математикой и рисованіемъ, — менѣе прилежно относился къ урокамъ, что и отозвалось на его успѣхахъ: послѣ весеннихъ экзаменовъ 1814 года выяснилось, что Боратынскій остался въ томъ же классѣ (въ третьемъ). Сообщая объ этомъ матери въ двухъ словахъ и утѣшая ее надеждою на будущій годъ, Боратынскій въ своемъ письмѣ переходитъ къ тому, что захватываетъ его гораздо болѣе, чѣмъ неудача на экзаменахъ, и подробно говоритъ о томъ, какъ „сейчасъ я занимаюсь въ минуты отдыха переводомъ и сочиненіемъ маленькихъ исторій, и, сказать вамъ правду, я больше всего люблю поэзію. Я очень бы хотѣлъ быть авторомъ. Слѣдующій разъ я вамъ пришлю нѣчто вродѣ маленькаго романа, который я кончаю. Я очень желалъ бы знать, что Вы о немъ скажете. Если Вамъ покажется, что у меня есть кое-какой талантъ, я буду изучать правила, чтобы совершенствоваться въ этомъ“. Дальше слѣдуетъ пространная и жестокая критика русскихъ присяжныхъ переводчиковъ, и письмо кончается любопытной просьбой — сообщить юному писателю, въ какомъ видѣ придетъ его письмо, запечатаннымъ или распечатаннымъ.

Не слѣдуетъ удивляться тому, что талантъ Боратынскаго получилъ такое позднее развитіе, въ сравненіи съ его сверстниками — Пушкинымъ, Дельвигомъ и другими лицестами, уже въ 14—15 лѣтъ обращавшими на себя вниманіе не только друзей, но и читающей публики. Объясненіе такого поздняго развитія заключается въ глубокомъ отличіи уклада жизни Царскосельскаго Лицея отъ жизни въ Пажескомъ корпусѣ: въ послѣднемъ бывали случайныя выступленія поэтовъ (вродѣ Креницына), но не было живого литературнаго общества, не было соревнованія въ поэзіи и того общаго гуманитарно-передоваго направленія, которое благопріятствовало развитію лицейской поэзіи. И въ то время, какъ баронъ А. А. Дельвигъ громко привѣтствовалъ появленіе новаго таланта въ лицѣ своего товарища Пушкина, предсказывая ему безсмертіе:

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется,
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,

И отъ смертныхъ восхитить безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій, —

Боратынскій тихомолкомъ, боясь, чтобы кто-нибудь не узналъ, писалъ матери о томъ, что „онъ больше всего любитъ поэзію“ и признавался въ своемъ желаніи быть авторомъ.

Сознаніе своего поэтическаго призванія появилось въ Боратынскомъ такъ же рано, какъ и у его сверстниковъ — Пушкина и Дельвига, — но укрѣпить его въ этомъ сознаніи и поддержать никто не могъ: литературныя традиціи были чужды семьѣ Боратынскаго, въ корпусѣ его не посѣщали ни Жуковскій, ни князь Вяземскій, ни другіе писатели; да и кромѣ того, Боратынскій былъ слишкомъ замкнутымъ и неувѣреннымъ въ себѣ юношей, чтобы просить совѣтовъ и показывать свои творенія. Боратынскому приходилось идти ощупью по новой невѣдомой дорогѣ, и потому не удивительно, что огонь поэзіи, присутствіе котораго почувствовалъ въ душѣ своей пажъ Боратынскій, на долгое время погасъ въ немъ (или ни въ чемъ не проявлялся). Будущій поэтъ вступалъ въ тотъ тяжелый для него переходный возрастъ, когда онъ особенно нуждался въ поддержкѣ и въ указаніи ему пути, и онъ не получалъ ни отъ кого такихъ указаній: мать была далеко и, повидимому, не догадывалась о томъ сложномъ процессѣ, который происходилъ въ душѣ ея сына.

Въ ту критическую пору, когда мальчикъ перерождался въ юношу, Боратынскій оказался безъ всякихъ руководителей.

Какъ разъ въ это время былъ уволенъ по болѣзни изъ Корпуса его воспитатель Кристофовичъ, и Боратынскій перешелъ къ новому воспитателю — капитану Мацневу. Послѣдній часто болѣлъ (у него была чахотка) и отсутствовалъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, и тогда роль воспитателя переходила къ капитану Десимонъ. Такая смѣна воспитателей не могла не отражаться и на ихъ воспитанникахъ-пажахъ, которые замѣтно стали распускаться въ поведеніи. Поэтическая природа Боратынскаго не находила себѣ питанія въ окружающей обстановкѣ, религіозная опора была отнята, неопытный умъ ставилъ себѣ вопросы, съ которыми не могъ справиться, и на которые не могъ найти отвѣтовъ, и юношей овладѣла душевная тревога и безпокойство, очень замѣтно отразившіяся въ его письмахъ. Въ это время Боратынскій мечталъ о морской службѣ и умолялъ мать „объ этой милости“, такъ какъ „мои интересы, которые Вамъ такъ дороги, какъ Вы говорите, этого настоятельно требуютъ. Я знаю, чего стоитъ Вашему сердцу видѣть меня въ столь опасной службѣ. Но скажите, знаете-ли Вы, гдѣ во всей вселенной, кромѣ царства океана, жизнь человѣческая не была бы подвержена тысячи опасностей, гдѣ смерть не похитила бы у матери сына, отца, сестру? — Вездѣ малѣйшее дуновение можетъ разрушить ломкую пружину, которую мы называемъ нашимъ существованіемъ. Хоть Вы и говорите, милая маменька, что есть вещи, зависящія отъ насъ, — есть и другія, которыя довѣрены Провидѣнію. Наши дѣйствія, наши мысли зависятъ отъ насъ, но я не могу вѣрить, чтобы наша смерть зависѣла отъ выбора службы на сушѣ или на морѣ... Я Васъ умоляю, милая маменька, не противиться моеѣ склонности. Я не смогу служить въ гвардіи — ее слишкомъ берегутъ: во время войны она ничего не дѣлаетъ и остается въ постыдной праздности. И Вы называете это существованіемъ? Нѣтъ, это не существованіе, а непрерывный покой. Повѣрьте мнѣ, милая маменька, что ко всему можно привыкнуть, кромѣ покоя и скуки. Я бы предпочелъ лучше быть совершенно несчастнымъ, чѣмъ совершенно спокойнымъ въ свѣтѣ: живое и глубокое чувство заняло бы по крайней мѣрѣ мою душу цѣликомъ, сознаніе моихъ несчастій напоминало бы мнѣ, что я существую. Въ самомъ дѣлѣ, я чувствую, что мнѣ всегда нужно что-либо опасное, что бы меня занимало, — безъ этого я скучаю. Представьте, моя дорогая, меня на палубѣ, среди

разъяренного моря, бѣшеную бурю, подвластную мнѣ, доску между мною и смертью, морскихъ чудовищъ, дивящихся чудесному орудію — произведенію человѣческаго генія, повелѣвающаго стихіямъ...”

Всегда уравновѣшенный, тихій, спокойный ребенокъ, больше всего любящій поэзію и думы, какъ-то рѣзко, скачками сталъ мѣняться, тяготиться спокойствіемъ и скукой и потому сталъ выбирать себѣ товарищей, бывшихъ далеко не на отличномъ счету, но импонировавшихъ своей веселостью и удалью или безстрашіемъ и вызывающимъ поведеніемъ, протестомъ противъ распорядковъ корпусной жизни. Начальство такъ характеризовало новыхъ товарищей Боратынскаго: „Ханыковъ 3-й — поведенія изряднаго, нрава веселаго; Приклонскій — поведенія шаловливаго, нрава веселаго и упрямаго, не всегда опрятенъ; Креницыны оба — поведенія посредственнаго, нрава вспыльчиваго“ *).

Со своими новыми товарищами Боратынскій занимался различными шалостями, и проступки друзей, какъ можно думать, бывали порой весьма серьезнаго свойства. И въ этихъ проступкахъ сказывалась та порывистость и неуравновѣшенность, которая характерна для Боратынскаго-юноши, и которая заставляли его мечтать объ опасностяхъ морской службы; замѣтимъ кстати, что раскаяніе послѣ совершеннаго проступка всегда мучило Боратынскаго и не отвѣчало размѣрамъ его шалостей. Къ концу октября 1814 года относится первая шалость пажа **), до сихъ поръ бывшаго образцовымъ по поведенію, и черезъ нѣсколько дней провинившійся Боратынскій пишетъ слѣдующее письмо матери: „Любезная маменька! Я не знаю, какъ изъяснить Вамъ все, что я теперь чувствую. Могу-

*) Замѣтимъ, что къ одному изъ братьевъ Креницыныхъ — Александру Николаевичу, — автору нѣсколькихъ памфлетовъ, Боратынскій обратился въ 1819 году съ посланіемъ, которое свидѣтельствуетъ о томъ, что А. Н. Креницынъ былъ его товарищемъ не только по шалостямъ; обращаясь къ своему „товарищу радостей младыхъ“, Боратынскій писалъ:

О милый! я съ тобой когда-то счастливъ былъ!
Гдѣ время прежнее, гдѣ прежнія мечтанья?
И живость дѣтскихъ чувствъ и сладость упованья!
Все хладный опытъ истребилъ.
.....
Когда разсѣянно, съ уныніемъ внимать
Я буду снамъ твоимъ о будущемъ, о счастьѣ,
Когда въ мечтахъ твоихъ не буду принимать,
Какъ прежде, пылокое, сердечное участие,
Не сѣтуй на меня, о другъ пожалѣй...

**) Въ чемъ заключались шалости и проступки молодыхъ пажей, — неизвѣстно. Самъ Боратынскій рассказывалъ впоследствии въ письмѣ къ Жуковскому, что онъ „задумалъ составить общество мстителей, имѣющихъ цѣлю сколько возможно мучить нашихъ начальниковъ. Описание нашего общества можетъ быть забавно и занимательно послѣ главной мысли, взятой изъ Шиллера, и остальнымъ совершенно дѣтскимъ его подробностямъ. Насъ было пятеро. Мы собирались каждый вечеръ на чердакъ послѣ ужина, по общему условію ничего не ѣли за общимъ столомъ, а уносили оттуда всѣ сѣстные припасы, которые возможно было унести въ карманахъ, и потомъ свободно пировали въ нашемъ убѣжищѣ. Тутъ-то оплакивали мы вмѣстѣ судьбу свою, тутъ выдумывали разнаго рода проказы, которыя послѣ рѣшительно приводили въ дѣйствіе. Иногда наши учителя находили свои шляпы прибитыми къ окнамъ, на которыя ихъ клали; иногда офицеры наши приходили домой съ обрѣзанными шарфами. Нашему инспектору мы однажды всыпали толченыхъ испанскихъ мухъ въ табакерку, отъ чего у него раздулся носъ; всего пересказать невозможно. Выдумавъ шалость, мы по жеребью выбирали исполнителя: онъ долженъ былъ отвѣчать одинъ, ежели попадетсѣ; но самая смѣлая я обыкновенно бралъ на себя, какъ начальникъ“.

Въ виду того, что это письмо было написано Жуковскому съ цѣлю смягчить свою участь и носило полудружескій, полу-официальный характеръ, ему не слишкомъ можно довѣрять, и Н. Я. Максимовъ („Евгеній Абрамовичъ Баратынскій по бумагамъ Пажескаго Е. И. В. Корпуса“ — Русская Старина 1870 г., т. II, стр. 638-647) доказалъ цѣлый рядъ уклоненій Боратынскаго отъ дѣйствительности; окончательно опровергаются нѣкоторыя показанія Боратынскаго его же письмами изъ корпуса.

ли надѣяться когда-нибудь получить прощенье въ проступкѣ, который я сдѣлалъ. Не столько меня трогаетъ наказаніе, которое я получилъ, какъ мысль, что я причинилъ вамъ столько горести. Ахъ, будьте увѣрены, что ваши слезы весьма мнѣ дороги. Какъ могу я когда-нибудь достойно заплатить вамъ за всю вашу ко мнѣ милость и любовь, а вмѣсто того, чтобъ какъ-нибудь изъяснить вамъ мою признательность, я довольно неблагодаренъ, чтобы наполнить жизнь вашу горестями о моемъ худомъ поведеніи. Повѣрьте, милая маменька, что слезы ваши гораздо для меня болѣе значать, чѣмъ всѣ наказанія. Теперь, слава Богу, я прощенъ, но только мысль, что вы все еще печалитесь и сердитесь, заставляетъ меня болѣе тому печалиться, нежели радоваться. Я надѣюсь будущимъ поведеніемъ загладить вину свою и опять быть достойнымъ вашей любви. Простите меня, милая маменька, избавьте меня отъ мученья, которое терплю, думая о вашей горести. Остаюсь вашъ всепокорный и раскаивающийся сынъ Евгенийъ Боратынскій“.

Въ слѣдующемъ письмѣ Боратынскій благодаритъ мать за ту радость, которую принесло ему ея прощенье, утѣшившее его, и прибавляетъ: „оно примирило меня съ самимъ собою, и мнѣ теперь ясно, во сколько разъ это драгоценнѣе всѣхъ удовольствій разсѣянія“. И мы снова видимъ прежняго, мягкаго и чувствительнаго мальчика, и, аттестованный къ 1-му ноябрю 1814 года капитаномъ Мацневымъ „поведенія и нрава дурного“, Боратынскій къ 1-му декабря показанъ (капитаномъ Десимонъ) не штрафованнымъ, „нрава изряднаго“, и добавлено, что его „поведеніе поправляется“. И послѣ этого слѣдуетъ цѣлый рядъ аттестацій 1815 года, въ которыхъ, какъ на кривой, можно видѣть рѣзкіе переходы Боратынскаго „отъ чувства къ шалости, къ мечтамъ отъ важныхъ думъ“ и отъ проступковъ, за которые онъ бывалъ штрафованъ и назывался дурнымъ по нраву, — къ поведенію, отмѣчаемому его воспитателями не только какъ „поправляющемуся“, но и вызывающему лестные отзывы, въ которыхъ онъ называется „примѣрнымъ по поведенію и нраву“. (Замѣтимъ, что аттестаціи кап. Десимонъ носятъ вообще болѣе благожелательный характеръ, чѣмъ аттестаціи болѣзненнаго и раздражительнаго капитана Мацнева).

Воспитатели замѣтили скрытность характера и колебанія въ темпераментѣ Боратынскаго, но ничего не сдѣлали для того, чтобы облегчить ему тяжелый духовный ростъ, и единственной заботой о немъ было запрещеніе ходить по праздникамъ къ родственникамъ, мѣра, которая могла произвести только отрицательное дѣйствіе, такъ какъ отъ юноши была отнята послѣдняя опора, послѣдняя помощь — со стороны горячо любившихъ его родныхъ. И предоставленный самому себѣ, своимъ товарищамъ и (если вѣрить словамъ Боратынскаго въ его письмѣ къ Жуковскому) романамъ о разбойничьихъ похищеніяхъ, Боратынскій обнаружилъ ту шаткость характера, которая привела его въ февралѣ 1816 года къ катастрофѣ. Объ этой катастрофѣ онъ подробно рассказываетъ въ письмѣ къ Жуковскому.

Описавъ общество „мстителей“, имѣвшихъ главною цѣлью мучить своихъ начальниковъ, поэтъ продолжаетъ: „Спустя нѣсколько времени мы (на бѣду мою) приняли въ наше общество еще одного товарища, а именно сына того камергера *), который, я думаю, вамъ извѣстенъ какъ по моему, такъ и по своему несчастію. Мы давно замѣчали, что у него водится что-то слишкомъ много денегъ; намъ казалось невѣроятнымъ, чтобъ родители его давали 14-лѣтнему мальчику по 100 и по 200 р. каждую недѣлю. Мы вошли къ нему въ довѣренность и узнали, что онъ подобралъ ключъ къ бюро своего отца, гдѣ большими кучами лежатъ казенныя ассигнаціи, и что онъ всякую недѣлю беретъ оттуда по нѣсколько бумажекъ.“

*) Приклонскаго.

„Овладевъ его тайною, разумѣется, что мы стали пользоваться и его деньгами. Чердашные наши ужины стали гораздо повкуснѣе прежнихъ: мы ѣли конфеты фунтами; но блаженная эта жизнь недолго продолжалась. Мать нашего товарища, жившая тогда въ Москвѣ, сдѣлалась опасно больна и желала видѣть своего сына. Онъ получилъ отпускъ и, въ знакъ своего усердія, оставилъ несчастный ключъ мнѣ и родственнику своему Ханыкову: „возьмите, онъ вамъ пригодится“, сказалъ онъ намъ съ самымъ трогательнымъ чувствомъ, и въ самомъ дѣлѣ онъ намъ слишкомъ пригодился. Отъѣздъ нашего товарища привелъ насъ въ большое уныніе. Прощайте, пироги и пирожные, должно отъ всего отказаться. Но это было для насъ слишкомъ трудно: мы уже приучили себя къ роскоши, надобно было приняться за выдумки: думали и выдумали!

„Должно вамъ сказать, что за годъ передъ тѣмъ я нечаянно познакомился съ извѣстнымъ камергеромъ, и этотъ случай принадлежитъ къ тѣмъ случаямъ моей жизни, на которыхъ я могъ бы основать систему предопредѣленія. Я былъ въ больницѣ вмѣстѣ съ его сыномъ и въ скупѣ долгаго выздоровленія устроилъ маленькій кукольный театръ. Навѣстивъ однажды моего товарища, онъ очень любовался моею игрушкою и прибавилъ, что давно общалъ такую же маленькой своей дочери, но не могъ еще найти хорошо сдѣланной. Я предложилъ ему свою отъ добраго сердца; онъ принялъ подарокъ, очень обласкалъ меня и просилъ когда-нибудь пріѣхать къ нему съ его сыномъ; но я не воспользовался его приглашеніемъ.

„Между тѣмъ Ханыковъ, какъ родственникъ, часто бывалъ въ его домѣ. Намъ пришло на умъ: что возможно одному негодяю, возможно и другому. Но Ханыковъ объявилъ намъ, что за разныя прежнія его проказы его уже подозрѣваютъ въ домѣ и будутъ за нимъ присматривать, что ему непременно нуженъ товарищъ, который, по крайней мѣрѣ, занималъ бы собою домашнихъ и отвлекалъ отъ него вниманіе. Я не былъ, но имѣлъ право быть въ несчастномъ домѣ. Я рѣшился помогать Ханыкову. Подошли святки *)), насъ распустили къ роднымъ. Обманувъ, каждый по своему, дежурныхъ офицеровъ, всѣ пятеро вышли изъ корпуса и собрались у Молинару. Мнѣ и Ханыкову положено было итти въ гости къ извѣстной особѣ, исполнить, если можно, наше намѣреніе и прійти съ отвѣтомъ къ нашимъ товарищамъ, которые должны были насъ дожидаться въ лавкѣ. Мы выпили по рюмкѣ ликеру для смѣлости и пошли очень весело негоднѣйшею въ свѣтѣ дорогою.

„Нужно-ли рассказывать остальное?..”

Объ „остальномъ“ рассказываетъ уже главный директоръ Пажескаго и Кадетскихъ корпусовъ генералъ-лейтенантъ Клигеръ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 22-го февраля 1816 года нижеслѣдующее: Боратынскій и Ханыковъ были отпушены, въ видѣ поощренія, на масленицу къ родственникамъ, „но они, вмѣсто того, чтобы итти къ родственникамъ съ присланными за ними людьми, съ коими изъ корпуса отпушены были, пошли къ камергеру Приклонскому, по знакомству ихъ съ сыномъ его, пажемъ Приклонскимъ, и вынули у него изъ бюро черепаховую въ золотой оправѣ табакерку и 500 рублей ассигнаціями. Директоръ корпуса, коль скоро о семъ узналъ, послалъ гофмейстера на придворный прачечный дворъ къ кастеляншѣ Фрейгангъ, у которой, по порученности отъ матери, находились, по случаю масленицы, два пажа Креницыны, у коихъ, по извѣстной по корпусу между ними связи, предполагали найти и упомянутыхъ пажей, Ханыкова и Боратынскаго, какъ дѣйствительно и оказалось.

*) Въ дѣйствительности это происшествіе имѣло мѣсто не на святкахъ, а на масленицѣ.

„Пажи сіи, по приводѣ ихъ въ корпусъ, посажены будучи подѣ арестъ въ двѣ особыя комнаты, признались, что взяли упомянутыя деньги и табакерку, которую изломавъ, оставили себѣ только золотую оправу, а на деньги накупили разныхъ вещей на 270, прокатали и пролакомили іѡ, да найдено у нихъ 50 рублей, кои, вмѣстѣ съ отобранными у нихъ купленными ими вещами, возвращены г. камергеру Приклонскому...”

Дѣло о Боратынскомъ пошло очень ускореннымъ темпомъ: кража была совершена въ срединѣ февраля, 22-го февраля поданъ рапортъ Клингера, который былъ немедленно доложенъ Государю княземъ А. Н. Голицынымъ (впослѣдствіи хлопотавшимъ о смягченіи участи поэта), 1 марта Боратынскій показанъ уже „нечислящимся въ спискѣ пажей“, а 3 марта послѣдовало приказаніе министра по всѣмъ учрежденіямъ, объявлявшего волю Государя, состоявшую въ запрещеніи принимать на какую бы то ни было службу Боратынскаго и Ханыкова, какъ исключенныхъ изъ Пажескаго корпуса „за негодное поведеніе“. На Александра I это происшествіе въ Пажескомъ Его Императорскаго Величества корпусѣ произвело глубокое и тяжелое впечатлѣніе; онъ былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что Боратынскій и Ханыковъ — прирожденные преступники и негодяи, и сколько-нибудь снисходительное и милостивое отношеніе къ нимъ казалось ему уже преступнымъ. Вслѣдствіе такого взгляда Государя на проступокъ Боратынскаго, всѣ хлопоты и просьбы о поэтѣ въ теченіе многихъ лѣтъ оставались безъ результата, и Императоръ запретилъ упоминать о Боратынскомъ прежде, чѣмъ онъ самъ не вспомнитъ о бывшемъ своемъ пажѣ.

Боратынскій былъ исключенъ изъ корпуса безъ права поступленія на какую бы то ни было службу (развѣ, если пожелаетъ рядовымъ) и отданъ на попеченіе своего дяди Богдана Андреевича.

Только тогда, когда уже разразилась надъ нимъ страшная гроза, Боратынскій съ ужасомъ увидѣлъ, по какому пути онъ шелъ послѣдніе годы, и какъ-то мгновенно прояснились его очи, и ожила душа для страданія. Эта катастрофа потрясла до основанія его молодой организмъ, и первое время онъ былъ близокъ къ самоубійству, до котораго его не допустили и нравственное просвѣтлѣніе души, ужаснувшейся послѣ вкушенія отъ плодовъ зла, и родные, поддерживавшіе поэта и умѣло оберегавшіе его отъ дурныхъ вліяній и отчаянія.

То, чего не могло добиться корпусное начальство всѣми своими строгостями и штрафами, — перевоспитанія юноши, — того поразительно легко добились его родные тѣмъ, что нашли самый простой путь — путь сердца къ сердцу. „Я ожидалъ укоровъ, говорилъ Боратынскій, но нашелъ однѣ слезы, бездну нѣжности, которая меня тѣмъ болѣе трогала, чѣмъ менѣе я былъ ея достоинъ. Въ продолженіе четырехъ лѣтъ никто не говорилъ съ моимъ сердцемъ: оно сильно встрепетало при живомъ къ нему воззваніи; свѣтъ его разогналъ призраки, омрачившіе мое воображеніе; посреди подробностей существенной гражданской жизни, я короче узналъ ея условія и ужаснулся какъ моего проступка, такъ и его послѣдствій“.

IV.

Лѣтомъ 1816 года поэтъ уѣхалъ съ дядею Богданомъ Андреевичемъ въ его имѣніе Подвойское (Бѣльскаго уѣзда, Смоленской губерніи) и въ ноябрѣ опасно заболѣлъ нервическою горячкою. Богданъ Андреевичъ, заботливо относившійся къ душевной ранѣ Боратынскаго, не менѣе заботливо отнесся и къ его болѣзни, и 28 декабря (1816 года) мать поэта писала Б. А. Боратынскому: „Я не могу изъяснить вамъ сердечной моею признательности за всѣ ваши милости и попеченія объ Евгеніѣ: я обязана вамъ и исправленіемъ его, и самою его жизнію. Опасность, въ которой онъ былъ, такъ стѣсняетъ мое сердце, что я забываю, что она прошла, благодаря Бога и васъ, и я не могу удержаться отъ живѣйшей скорби и страха всякій разъ, какъ она приходитъ мнѣ на мысль. Вотъ ужъ Рождество прошло, а онъ не пріѣхалъ. Зная ваше родительское о немъ попеченіе, я стараюсь ободриться и думать, что вы его не отпускаете по слабости его, да и лучше въ семь случаѣ переждать, нежели торопиться. Я во всемъ полагаюсь на ваше благоразуміе. У насъ всѣ, слава Богу, здоровы, только грустимъ въ ожиданіи Евгенія. Я не могу отойти отъ окошка, ни за что не принимаюсь, ожиданіе очень мучительно...”

Вмѣстѣ съ нравственнымъ просвѣтлѣніемъ, въ Боратынскомъ пробудилось опять поэтическое чувство, и первое стихотвореніе на русскомъ языкѣ, дошедшее до насъ, написано 23 января 1817 года и обращено къ его дядѣ-воспитателю: „Хоръ, пѣтый въ день именинъ дяденьки Б[огдана] Андр[еевича Боратынскаго] его маленькими племянницами Панчулидзевыми“ (дочерями его любимой тетки и крестной матери Маріи Андреевны).

Испытаніе, посланное гнѣвнымъ рокомъ, и наставленія родныхъ не прошли безслѣдно для Боратынскаго, — онъ, переступивъ въ дѣтствѣ этическіе принципы, начинаетъ въ этикѣ видѣть высшую цѣнность и мѣрило жизни. Въ двадцатыхъ годахъ къ этой цѣнности прибавляется еще новая могущественная — эстетическая цѣнность (а въ концѣ 30-хъ и религіозная). Въ 1825 г. поэтъ писалъ своему другу Н. В. Пугачу: „Съ самаго дѣтства я тяготился зависимостью и былъ угрюмъ, былъ несчастливъ. Въ молодости судьба взяла меня въ свои руки. Все это служить пищею Генію; но вотъ бѣда: я не Геній. Для чего-жъ все было такъ, а не иначе? На этотъ вопросъ захохотали бы всѣ черти. И этотъ смѣхъ служилъ бы отвѣтомъ вольнодумцу, но не мнѣ и не тебѣ: мы вѣримъ чему-то. Мы вѣримъ въ прекрасное и въ добродѣтель. Что-то развитое въ моемъ понятіи для лучшей оцѣнки хорошаго, что-то улучшенное во мнѣ самомъ — такія сокровища, которыя не купить ни богачъ за деньги, ни счастливецъ счастіемъ, ни самый Геній худо направленный“. Испытаніе несчастіемъ, заставившее Боратынскаго „вѣрить въ добродѣтель“, положило на него (или вѣрнѣе, усилило) и тотъ отпечатокъ грусти, который на немъ оставался всю жизнь и питался размышленіями, носившими часто безотрадный характеръ. Почти весь 1816 годъ пробылъ Боратынскій у дяди въ Подвойскомъ и, окруженный любящими его родными („дорогая маменька, писалъ онъ, удовольствіе видѣть себя любимымъ превосходить всѣ удовольствія свѣта!“), постепенно втягивался въ общую жизнь, въ общіе интересы и развлечения. Но и посреди радостей и развлеченій молодой мыслитель-поэтъ не переставалъ грустить, и эта грусть часто выражалась въ письмахъ его изъ Подвойскаго, несмотря на то, что онъ старался скрыть ее: душевная чуткость Боратынскаго подсказывала ему, что надо скрывать отъ матери свою печаль (а порой и отчаяніе) и выбирать „пріятныя вещи“, дабы не отягощать мать безпокойствами о себѣ. Невольно однако для него самого, его письма переходили очень быстро изъ мажорнаго тона въ минорный, и даже улыбку его можно было назвать улыбкою грусти.

Выписываемъ почти цѣликомъ одно письмо Боратынскаго изъ Подвойскаго, лучше всего рисующее его образъ въ это время:

„Милая маменька. Мы проводимъ здѣсь время очень пріятно: здѣсь пляшутъ, поютъ, смѣются, — все какъ бы дышитъ счастьемъ и радостью. Одна только мысль омрачаетъ въ глазахъ моихъ картину удовольствій: это мысль объ ихъ кратковременности и о томъ, что скоро долженъ буду я разстаться со всѣми этими наслажденіями. Я знаю, у меня скверный характеръ, составляющій мое несчастье — слишкомъ издалека предвижу я все то непріятное, что можетъ случиться. Было время, когда я объ этомъ не думалъ! Но время это улетѣло, какъ сонъ, или, по крайней мѣрѣ, оно было такъ же кратко, какъ мгновенія счастья, дарованныя жизни человѣческой.

„Милая маменька, о счастья много спорили, — не кажется-ли, что видишь нищихъ, разсуждающихъ о философскомъ камнѣ?

„Такъ человѣкъ, посреди всего, что должно было бы сдѣлать его счастливымъ, носить скрытый ядъ, который гложетъ его и дѣлаетъ неспособнымъ ко всякому радостному ощущенію. Болѣзненное настроеніе духа, основа скуки и печали, — вотъ что сопровождаетъ его посреди шумныхъ радостей, и я хорошо знаю такого человѣка.

„Не есть-ли счастье извѣстное сочетаніе мыслей, при которомъ мы не въ состояніи думать о чемъ-либо иномъ, кромѣ того, что овладѣло нашимъ сердцемъ, переполненнымъ до такой степени, что мы не въ силахъ размышлять о томъ, что чувствуемъ?

„Не счастье-ли также и безпечность?

„Не принадлежитъ-ли существу существъ, вѣчному Деміургу, свойство располагать душу къ воспріятію подобнаго чувства, когда онъ хочетъ наградить кого-либо изъ маленькихъ атомовъ, образовавшихся изъ пылинокъ общей нашей матери (земли)? О однодневные атомы! О спутники мои въ безконечной малости, могли-ли вы когда-нибудь замѣтить невидимую руку, направляющую насъ въ этомъ муравейникѣ рода человѣческаго?

„Кто изъ насъ могъ анатомировать эти краткія мгновенія въ жизни человѣческой? — Что касается до меня, то я объ этомъ никогда не помышлялъ!

Признаться надо намъ, такъ наша жизнь проходить,
И каждаго изъ насъ бѣсенокъ нѣкій водить
Къ забавамъ отъ невзгодъ, — тутъ воля не своя.
Всего отъ пяти чувствъ вполнѣ завишу я;
Природой человѣкъ безспорно превосходень, —
Въ грядущемъ дивными духами будемъ мы;
Но въ этомъ мірѣ духъ съ машиной очень сходень.
Какъ часто невзначай мѣняются умы:
Поправятся-ль дѣла, и глядь — у Гераклита
Слеза замѣнена улыбкой Демокрита *).

„Это стихи извѣстнаго еретика, который всегда кажется сумасброднымъ нѣкоторымъ людямъ, но стихи котораго часто исполнены истины и силы — я говорю о Вольтерѣ. Мнѣ кажется, что ничего не было написано лучшаго по части этого мистическаго пренія. Но я думаю, что надоѣлъ вамъ со своей философіей. Страсть къ умствованію — не изъ меньшихъ моихъ недостатковъ, и я не думаю отъ него исправиться...”

*) Переводъ И. С. Тургенева.

Любопытно отмѣтить, что Боратынскій началъ писать это письмо, какъ онъ самъ говоритъ, въ очень дурномъ настроеніи, но передъ тѣмъ, какъ выписать стихи Вольтера — писателя, имѣвшаго и въ эту пору на него большое вліяніе, онъ отправился пить кофе съ тетушками своими, Маріей и Екатериной Андреевнами, и послѣднія такъ быстро успѣли разсѣять его печальныя мысли, что когда онъ вернулся къ себѣ, въ немъ уже остыло желаніе философствовать, и онъ началъ описывать свою поѣздку къ родственникамъ, жившимъ недалеко отъ Подвойскаго *).

День Боратынскаго въ Подвойскомъ проходилъ въ разговорахъ съ тетушками и Богданомъ Андреевичемъ, въ играхъ съ маленькими дѣтьми М. А. Панчулидзевой, которымъ онъ удѣлялъ очень много времени и вниманія, а главное — въ чтеніи; за нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Подвойскомъ, поэтъ успѣлъ перечитать всю богатую бібліотеку своего дяди, познакомился съ нѣкоторыми русскими классиками, которыхъ онъ до того времени мало зналъ, и еще болѣе пристрастился къ Вольтеру и французскимъ поэтамъ XVIII вѣка. Временами наѣзжали въ Подвойское и другіе дяди (Петръ и Илья Андреевичи) и родственники, собирались знакомые помѣщики-сосѣди; молодежь устраивала различныя развлеченія, въ которыхъ принималъ участіе и Евгенийъ Абрамовичъ, забывая о своемъ горѣ; но всетаки улыбка печали рѣдко сходила съ его лица. Боратынскій полюбилъ Подвойское и, по семейнымъ преданіямъ, воспѣлъ его въ своей сельской элегіи „Родина“, написанной въ 1820 году:

„Я возвращуся къ вамъ, поля моихъ отцовъ“... и т. д.

Вскорѣ послѣ того, какъ Боратынскій оправился отъ своей болѣзни (нервической горячки), онъ испыталъ большую радость при встрѣчѣ съ матерью въ концѣ февраля 1817 года.

Сохранилось интересное письмо матери поэта къ Б. А. Боратынскому отъ 1 марта 1817 года, и по этому письму можно составить себѣ представленіе о томъ порочномъ юношѣ, котораго исключили изъ корпуса „за негодное поведеніе“ и лишили свободы и общественнаго уваженія на цѣлыхъ 9 лѣтъ: „Не знаю, велить-ли Богъ весною выбратъся отсюда **), но я сего очень, очень желаю, ибо оно весьма нужно дѣтямъ моимъ, да и можетъ быть узнаю что-нибудь вѣрнаго о судьбѣ моего Евгенія, котораго печальное положеніе тѣмъ болѣе тяготитъ мою душу, что отмѣннымъ своимъ поведеніемъ заставляеть, если можно, еще болѣе желать, чтобъ онъ былъ порядочно пристроенъ въ службѣ. Скажу вамъ, любезнѣйшій братецъ, что *я имъ чрезмѣрно довольна во всѣхъ отношеніяхъ, и что съ трудомъ понимаю, какъ могъ онъ себя такъ потерять въ Петербургѣ: мнѣ это кажется ужаснымъ сномъ*. Я увѣрена, любезный братецъ, что, по безпримѣрному вашему сердцу къ роднымъ, вы съ удовольствіемъ услышите сіе свидѣтельство въ пользу племянника, для котораго вы столь много сдѣлали, и, судя по вашему сердцу, увидите, что мое должно чувствовать“. Подобныя же отзывы встрѣчаются и въ письмахъ всѣхъ родныхъ Евгенія Абрамовича, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ вполне заслуживалъ ихъ, возбуждая — и тогда, и впоследствии — сильную привязанность во всѣхъ людяхъ, съ которыми онъ былъ близокъ и для которыхъ измѣнялъ своему замкнутому характеру.

*) Это письмо, изъ котораго мы привели большую выдержку, напечатано (не совѣмъ точно) во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Боратынскаго, но конецъ письма почему-то выпущенъ.

***) Изъ Мары.

Три года, проведенные Боратынскимъ въ Подвойскомъ, въ Марѣ *) и въ Москвѣ — у матери и у родныхъ, были для него очень плодотворными годами, и въ концѣ 1818 года Боратынскій, съ окрѣпшими физическими и нравственными силами, „съ мадригаломъ въ карманѣ“ приѣхалъ въ Петербургъ, имѣя въ виду начать военную службу рядовымъ въ одномъ изъ петербургскихъ полковъ съ тѣмъ, чтобы заслужить прощенье и вернуть себѣ утраченное общественное положенье.

V.

Никогда ни до того, ни послѣ того времени не было въ Петербургѣ такой оживленной литературной жизни, какъ та, которая возникла въ связи съ выступленіемъ на литературное поприще Пушкина и его друзей-поэтовъ, тѣсно примыкавшихъ къ нему и къ тому литературному движенію, во главѣ котораго стоялъ въ то время Жуковскій. Боратынскому удалось еще застать эту совмѣстную жизнь поэтовъ и войти въ ихъ кругъ: черезъ барона А. А. Дельвига онъ познакомился со всеми литературными знаменитостями и незнаменитостями. Къ числу первыхъ принадлежали, прежде всего, Жуковскій, Гнѣдичъ и Пушкинъ, и къ этимъ именамъ молодой начинающій поэтъ относился не иначе, какъ съ безграничнымъ уваженіемъ, доходившимъ до преклоненія. Въ 1831 году, вспоминая (въ письмѣ къ И. В. Кирѣевскому) о Гнѣдичѣ и жалѣя, что не можетъ его увидѣть, Боратынскій писалъ: „Я любилъ его, и это чувство еще не остыло. Можетъ быть, теперь я нашелъ бы въ немъ кое-что смѣшное: что за дѣло! Приятно взглянуть на колокольню села, въ которомъ родился, хотя она уже не покажется такою высокою, какъ казалась въ дѣтствѣ“. Но въ то время Гнѣдичъ казался Боратынскому высокою колокольней — большимъ поэтомъ и поэтическимъ законодателемъ, и къ нему, какъ къ руководителю, обращался нашъ поэтъ съ посланіями.

Пушкинъ очень полюбилъ и задумчивую элегическую лиру Боратынскаго, и его самого, и включилъ Боратынскаго въ число своихъ друзей; позже (въ 1826 году въ Москвѣ) поэты еще болѣе сблизились, но Боратынскій всегда сохранялъ въ своемъ дружескомъ отношеніи къ Пушкину извѣстный оттѣнокъ преклоненія, вызваннаго признаніемъ силы генія, что и выразилось ярче всего въ его письмѣ къ Пушкину 1826 года: „Пиши, милый Пушкинъ, а я въ долгу не останусь, *хотя пишу къ тебѣ съ тѣмъ затрудненіемъ, съ которымъ обыкновенно пишутъ къ старшимъ*“.

Но наибольшее значеніе имѣла для жизни и творчества Боратынскаго личность Жуковскаго и его поэзія, на которой воспитался Боратынскій. Ангель-хранитель русской поэзіи, Жуковскій былъ однимъ изъ первыхъ, принявшихъ большое участіе въ тяжелой судьбѣ поэта, расплачивавшагося долгими годами страданія и лишеній за дѣтскій проступокъ въ Пажескомъ корпусѣ. Благодаря Жуковскаго за непрестанныя заботы и хлопоты, Боратынскій писалъ ему: „Повѣрьте, что мнѣ не тягостна благодарность, особенно благодарность къ вамъ: я любилъ васъ, плакалъ надъ вашими стихами прежде, чѣмъ узналъ васъ лично, — прежде, нежели могъ предвидѣть, что мнѣ могутъ быть полезны прекрасныя качества вашего сердца... Препоручаю судьбу мою вамъ, моему Генію-покровителю. Вы начали, вы и довершите... и тогда я скажу вмѣстѣ съ вами: хвала

*) Съ грустью покидалъ Боратынскій также и Тамбовъ, въ которомъ онъ весело проводилъ время, и въ которомъ шевельнулось въ его душѣ чувство, похожее на любовь. Вслѣдствіе недостатка біографическаго матеріала, мы не можемъ опредѣленно говорить объ этомъ чувствѣ, но нѣкоторый намекъ на него находится между прочимъ въ письмѣ къ матери, въ которомъ Боратынскій говоритъ: „мнѣ кажется, что уѣзжая изъ Мары, я взялъ отпускъ у дружбы и что, уѣзжая изъ Тамбова, я взялъ отпускъ у любви“.

поэзии; поэзия есть добродетель, поэзия есть сила; но в одном только Поэте — в вас — соединены все ее великие свойства. Да будут дни ваши так прекрасны, как ваше сердце, как ваша поэзия. Лучшего желанья не может придумать до глубины души вам признательный Боратынский“.

Можно бы принять эти искренние, вырвавшиеся из сердца строки за выражение мгновенно-восторженного чувства, вызванного радостною восторженностью о том, что дело поэта пошло успешно, если бы подобные же отзывы о Жуковском не встречались в письмах Боратынского к другим лицам, и если бы мы не знали о том своего рода культ Жуковского, который был в интимном кружке молодых поэтов: Боратынского, Дельвига, Кюхельбекера и Плетнева. В 1840 году В. К. Кюхельбекер писал о том чувстве, которое вызвало в нем издание сочинений Жуковского: „пэсы, отпечатанныя сначала в тетрадах *Для немногих*, перенесли меня в скромное жилище Плетнева, куда бывало спешу, как только получу их из Москвы, чтобы похвастать ими перед хозяином, Дельвигом, Боратынским и подделиться с товарищами наслаждением, какое он проливал мне в душу“.

Если к Пушкину, Гнѣдичу и Жуковскому Боратынский, высоко цenia их поэтическую деятельность, относился с глубоким уважением, то нигде он так себя хорошо, по-домашнему, отрадно не чувствовал, как в этом интимном кружке друзей-поэтов, благоговевших перед поэзией-добродетелью, усвоивших себе высокое понятие о священном значении поэтического призвания и разсуждавших о литературѣ и литературных явлениях и новостях. Поэтов, идеалистически настроенных, связывала „к музам чистая любовь“, и этот союз имел большое значение для Боратынского, нашедшего в нем опору в своем несчастье.

Большое значение для нашего поэта имелла дружба: в дружбе почерпал Боратынский силы переносить свое несчастье; в друзьях находил он утешение и говорил:

О дружба нѣжная! останься неизмѣнной!
Пусть будет прочее мечтой.

Не меньшее значение имелло для Боратынского то понятие о священном значении поэзии, которое было в кружке догмой. В это время Боратынский окончательно осознал свое настоящее призвание к поэзии, и высокий взгляд на святость искусства помог ему смотреть на свои занятия поэзией, как на дело жизни, и почувствовать свое поэтическое (и вместе с тем человеческое) достоинство.

Поэзия была не только прибежищем, в котором Боратынский находил отдых и отраду „в гоненьях рока“, как он сам говорил:

Меня тягчилъ печалей грузъ,
Но не упалъ я передъ рокомъ:
Нашелъ отраду въ пѣсняхъ музъ...

но в искусстве, в красоте он нашел ту правду, ту гармонию, которой не мог найти в жизни, и которую не отождествлял с правдою этической, чем и отличался от некоторых своих друзей, склонных к такому отождествлению, и приближался к взгляду Пушкина на высокое значение поэзии, независимой от религиозных и этических требований *).

Поэзия позволила также Боратынскому свѣтлѣе взглянуть на нестройный міръ, и отсюда —

Хвала вамъ, боги! Предо мной
Вы оправдалися отнынѣ:
Готовъ я съ бодрою душой
На все угодное судьбинѣ.
И никогда сей лиры гласъ
Не оскорбитъ роптаньемъ васъ.

Но лира Боратынскаго не сдержала своего обѣщанія, такъ какъ отсутствіе согласія, гармоніи жизни и поэзии продолжало вызывать въ поэтѣ грусть и ропотъ на боговъ, подчинившихъ міръ своимъ жестокимъ законамъ. Такой ропотъ становится особенно замѣтнымъ въ 30-хъ годахъ, т. е. тогда, когда жизнь поэта устроилась вполне спокойно и счастливо, но когда Боратынскій почувствовалъ духовную тревогу и недостаточную обоснованность міра и сталъ пессимистически смотрѣть на его явленія, которыя „всѣ вѣдомы давно“; въ ту пору, о которой мы говоримъ, ропотъ почти не встрѣчается въ стихотвореніяхъ Боратынскаго, и его замѣняетъ тихая грусть, очаровывавшая современниковъ своею искренностью, качествомъ, которымъ элегіи Боратынскаго выгодно отличались отъ „вытѣя жеманнаго поэтовъ нашихъ лѣтъ“.

Особенно бережно отнесся къ новому дарованію баронъ Дельвицъ, „подружившій“ Боратынскаго съ музами и безпрестанно поддерживавшій въ немъ вѣру въ его призваніе. Боратынскій говорилъ впоследствии о томъ тягостномъ впечатлѣніи, которое на него произвело „вступленіе въ нежеланную извѣстность“, но если Дельвицъ отдалъ первые стихи Боратынскаго въ печать и безъ вѣдома автора, то, во всякомъ случаѣ, Боратынскій очень скоро примирился съ этою „нежеланной извѣстностью“ и не переставалъ любить своего друга. О томъ, какое значеніе имѣла для Боратынскаго его дружба съ Дельвицомъ, лучше всего можно судить по слѣдующимъ стихамъ его изъ посланія „Къ Дельвицу“:

Насъ не вотще судьба соединила,
Суровая двухъ добрыхъ полюбила
И, слабая отъ бѣдствій ихъ спасти,
Опорою другъ другу быть судила,
Чтобъ съ ней самой могли борьбу вести.
.....
Ты помнишь-ли, въ какой печальный срокъ
На дружбу мнѣ ты руку далъ впервые
И думая: по сердцу мы родные —
Сталъ навѣщать мой скромный уголокъ?
Ты помнишь-ли, съ какой судьбой суровой
Боролся я, почти лишенный силъ?
Не ты-ль тогда мнѣ бодрость возвратилъ?

*) Въ своей „Финляндіи“ поэтъ восклицаетъ:

Что нужды до бывшихъ или будущихъ племенъ?
Я не для нихъ бренчу незвонкими струнами:
Я, невнимаемый, довольно награжденъ
За звуки — звуками, а за мечты — мечтами.

*Не ты-ль душъ повъялъ жизнью новой?
Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ музъ:
Дѣля досугъ межъ ними и тобою,
Я-ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ
И передъ ней унился душою!*

.....
Всегда я твой! судьей души моей
Ты долженъ быть и въ ведро и въ ненастье:
Удвоишь ты моихъ счастливыхъ дней
Неполное безъ раздѣленья счастье.
Въ дни бѣдствія я знаю, гдѣ найти
Участіе въ судьбѣ моей тяжелой:
Что-жъ страшно мнѣ на жизненномъ пути?
Иду впередъ съ надеждою веселой!

VI.

Послѣ долгихъ хлопотъ, 8 февраля 1819 года Боратынскому удалось поступить на службу Лейбъ-Гвардіи въ Егерскій полкъ рядовымъ, и вскорѣ послѣ того онъ поселился вмѣстѣ съ барономъ Дельвигомъ. О совместной жизни поэтовъ-друзей, имѣвшихъ сходные мягкіе характеры, существуетъ слѣдующій стихотворный рассказъ, ими же самими написанный:

Тамъ, гдѣ Семеновскій полкъ, въ пятой ротѣ, въ домикѣ низкомъ *)
Жилъ поэтъ Боратынскій съ Дельвигомъ, тоже поэтомъ.
Тихо жили они, за квартиру платили немного,
Въ лавочку были должны, дома обѣдали рѣдко.
Часто, когда покрывалось небо осеннею тучей,
Шли они въ дождикъ пѣшкомъ, въ панталонахъ трикотовыхъ тонкихъ,
Руки спрятавъ въ карманы (перчатокъ они не имѣли!),
Шли и твердили шутя: какое въ россиянахъ чувство!

Къ 1818-1819 гг. относится увлеченіе Боратынскаго Е. Гернгроссъ, но это увлеченіе, какъ и всѣ почти увлеченія Боратынскаго, не отличалось страстнымъ характеромъ и скорѣе походило на дружбу, какъ можно судить по слѣдующему письму его къ матери, въ которомъ онъ описываетъ Е. Гернгроссъ: „.....Это золотая женщина. Она рѣдко образована, т. е. она знаетъ больше меня, какъ всѣ говорятъ. Она божественно играетъ на арфѣ, много читаетъ, любитъ литературу и даже способна имѣть собственное сужденіе обо всѣхъ этихъ искусствахъ. Мы разсуждаемъ съ ней обо всемъ — о дружбѣ, о любви, о любовныхъ интригахъ. Эпикуреизмъ, платонизмъ, стоицизмъ — все это подвергается разбору. Я хожу къ ней каждый день послѣ обѣда и между тѣмъ не скучаю. Надо однако сознаться, что пока что она для меня божественная женщина. Я склоненъ даже полюбить ее, но не пугайтесь за меня: я слишкомъ глупъ, чтобы сдѣлать серьезную глупость....“ И

*) Боратынскій снималъ квартиру въ домѣ кофишенка Ежевскаго, который зналъ въ Гатчинѣ отца поэта и рассказывалъ Боратынскому различныя подробности и анекдоты о его жизни.

на этотъ разъ, какъ это бывало часто, разговоры о любви и дружбѣ съ Е. Гернгроссъ пробудили въ поэтѣ не любовь, а одно волненіе, и начавшееся его увлеченіе и дружба, какъ можно думать, не были продолжительными и не оставили замѣтнаго слѣда въ его душѣ.

Своими новыми друзьями Боратынскій былъ увлеченъ въ общую шумную жизнь талантливой нашей литературной молодежи, переходившей отъ пировъ и веселья къ грустнымъ размышленіямъ, „отъ чувства къ шалости, къ мечтамъ отъ важныхъ думъ“ и скрывавшихъ „безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ“ — и умъ возвышенный и чувства. Пиръ въ честь поэзіи смѣнялся пирами въ честь любви, а послѣдніе уступали свою очередь вольнолюбивымъ банкетамъ, на которыхъ блистала незрѣлая, но рѣзвая и искренняя политическая острота и пожеланія свободы поработенному народу.

На такихъ пирахъ присутствовалъ и Боратынскій, и нѣкоторое отраженіе ихъ мы находимъ въ его поэмѣ „Пиръ“, но эта шумная жизнь мало увлекала поэта и не захватывала его. Политическія увлеченія также были чужды Боратынскому, потому что всѣмъ своимъ воспитаніемъ и семейными традиціями онъ былъ мало подготовленъ къ вопросамъ политики. Существуетъ однако предположеніе, что Боратынскій, не вступая въ тайныя общества, во многомъ соглашался съ ними и сочинялъ экспромпты о свободѣ. Но изъ этого круга „любезныхъ шалуновъ“ могъ вынести Боратынскій мечту о необходимости уничтоженія крѣпостного права, мечту, которую онъ лелѣялъ въ продолженіе всей своей жизни.

Мягкій и чувствительный, сердечный въ своихъ привязанностяхъ, Боратынскій въ общемъ оставался холоденъ къ „лобызаніямъ Фринъ“ и воспѣвалъ ихъ красоты, болѣе слѣдуя принятымъ образцамъ, чѣмъ повинуюсь сердечному влеченію. Совсѣмъ незначительную роль въ молодости Боратынскаго играютъ эти „лобызанія“ Фринъ, Делій, Климень, Хлой, Дафнъ и Темиръ, и сдержанность его представляется тѣмъ болѣе удивительной, что „скромностей“ не чуждались въ своихъ письмахъ и высоко-нравственные люди того времени. Боратынскій любилъ шумные пиръ, любилъ забывать на нихъ свою грусть, но это рѣдко удавалось ему, и пиръ наводили на него чаще всего уныніе.

Разсѣваетъ грусть веселый шумъ пировъ:
Вчера, за чашей круговою,
Въ семействѣ дружескомъ любезныхъ шалуновъ
Я уповалъ ожить душою.
Туманъ полуночный на холмы возлегалъ;
Шатры надъ озеромъ дремали;
Лишь мы не знали сна и дружескій фіалъ
Съ весельемъ буйнымъ осушали.
Но что же? *внѣ себя я тщетно жить хотѣлъ,*
Вино и Вакха мы хвалили;
Но я безрадостно съ друзьями радость пѣлъ:
Восторги ихъ мнѣ чужды были.
Того не приобрьсть, что сердцемъ не дано;
Не вспыхнетъ жизнь въ крови остылой;
Одну печаль свою, уныніе одно
Способенъ чувствовать унылой!

Сквозь элегическую условность этого стихотворенія (особенно замѣтную въ послѣдней строфѣ) чувствуется присутствіе неотвязной мысли Боратынскаго, которая твердила, что ему „не къ лицу веселье“.

В. Эртель, знавшій поэта въ дѣтствѣ, такъ описываетъ его наружность въ началѣ двадцатыхъ годовъ *): „Его блѣдное, задумчивое лицо, отгѣненное черными волосами, какъ бы сквозь туманъ, горящій тихимъ пламенемъ взоръ придавали ему нѣчто привлекательное и мечтательное; но легкая черта насмѣшливости пріятно украшала уста его... Незыяснимая прелесть, которою было проникнуто все существо его, отражалась и въ его произведеніяхъ...“. Эта „незыяснимая прелесть“ Боратынскаго привлекала къ нему всѣхъ, и потому неудивительно, что и Пушкинъ, и Жуковскій, и Дельвигъ, и всѣ, кто узналъ Боратынскаго, полюбили молодого поэта, принужденнаго служить рядовымъ въ искупленіе своего дѣтскаго проступка, о которомъ въ обществѣ ходили весьма дурные слухи.

О томъ, что давала дружба съ Боратынскимъ, можно судить по слѣдующему отрывку изъ краткаго его біографическаго очерка, набросаннаго И. В. Кирѣевскимъ. Говоря о поэтическомъ достоинствѣ стиховъ Боратынскаго, Кирѣевскій замѣчаетъ, что „однако они еще не вполне выказываютъ тотъ міръ изящнаго, который онъ носилъ въ глубинѣ души своей. Рожденный для искренняго круга семьи и друзей, необыкновенно-чувствительный къ сочувствію людей ему близкихъ, Боратынскій охотно и глубоко высказывался въ тихихъ дружескихъ бесѣдахъ и тѣмъ заглушалъ въ себѣ потребность выражаться для публики. Изливъ свою душевную мысль въ дружескомъ разговорѣ, живомъ, разнообразномъ, невыразимо-увлекательномъ, исполненномъ счастливыхъ словъ и многозначительныхъ мыслей, согрѣтомъ теплотою чувства, проникнутомъ изяществомъ вкуса, умною, всегда умѣстною шуткою, дальновидностью тонкихъ замѣчаній, поразительной оригинальностью мыслей и особенно поэзіей внутренней жизни, — Боратынскій часто довольствовался живымъ сочувствіемъ своего близкаго круга, менѣе заботясь о возможныхъ далекихъ читателяхъ. Оттого для тѣхъ, кто имѣлъ счастье его знать, прекрасные звуки его стиховъ являются еще многозначительнѣе, какъ отголоски его внутренней жизни“.

Подобные отзывы о Боратынскомъ даютъ и другіе друзья его. Неудивительно поэтому, что Боратынскому тяжелѣ всего было расставаться со своими петербургскими друзьями на долгіе годы: 4 января 1820 года поэтъ, по представленію великаго князя Николая Павловича, былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, но не оставленъ въ гвардіи, а переведенъ въ пѣхотный Нейшлотскій, полкъ, расположенный въ укрѣпленіяхъ Кюмениа и его окрестностяхъ.

VII.

Первыя стихотворенія Боратынскаго, напечатанныя имъ въ 1819 г. въ Петербургѣ, имѣли нѣкоторый успѣхъ среди его друзей-писателей, но настоящая его поэтическая слава начинается съ поэмъ и элегій, созданныхъ въ Финляндіи, въ которой ему пришлось пробыть болѣе пяти лѣтъ. Годы, проведенные Боратынскимъ въ Финляндіи, совпали со временемъ ссылки Пушкина на югъ Россіи и въ его псковскую деревню, и годы изгнанія имѣли одинаковое значеніе въ жизни и въ творествѣ обоихъ поэтовъ. Невольное

*) „Выписка изъ бумагъ дяди Александра“ въ „Русскомъ Альманахѣ на 1832 и 1833 гг.“.

уединеніе хотя имѣло и свои отрицательныя стороны, оказывало большое вліяніе на выработку характеристическихъ индивидуальныхъ особенностей творческой души, пріучавшейся „удерживать вниманье долгихъ думъ“ и настраивать на особый ладъ лиру съ чертами „необщаго выраженья“. Большое значенье имѣло также и то, что поэты жили вдали отъ столицъ, и что среди красотъ природы раздавался „звучнѣе голосъ лирный“. Природа питала живые творческіе сны поэтовъ и положила на поэзію ихъ свой отпечатокъ. Удивительно при томъ, какъ судьба позаботилась создать своимъ избраннымъ обстановку, гармонировавшую съ ихъ внутреннимъ міромъ! Въ ту пору, когда Пушкину казались нужны „пустыни, волнь края жемчужны, и моря шумъ, и груды скалъ, и гордой дѣвы идеаль, и безыменныя страданья“, въ ту пору, когда Пушкину были „новы всѣ впечатлѣнья бытія“, и онъ всѣмъ существомъ воспринималъ ихъ и посылалъ имъ свои отзѣвы, — какъ въ калейдоскопѣ мелькали передъ нимъ роскошныя картины Кавказа, Крыма, Малороссіи, южныхъ степей; въ то время, когда поэтъ почувствовалъ свою духовную и творческую зрѣлость и, цѣня еще высоко красочность жизни, устремлялся къ народному творчеству, — богатая красками живописныхъ озеръ, скатовъ и рощъ и простой значительной поэзіей полей „низкой природы“, Псковская губернія какъ нельзя болѣе гармонировала съ его душевнымъ строемъ; и позже, въ 30-хъ годахъ, когда Пушкинъ не искалъ счастья внѣ себя, въ окружающемъ его мірѣ, и жаждалъ только спокойствія, — этотъ покой ему давала Болдинская глушь, о которой поэтъ съ восторгомъ отзывался, что въ ней „грязь непролазная“. Эту гармонию природы и души и вліяніе природы на творческую душу поэта необходимо постоянно имѣть въ виду при изученіи творчества Пушкина; необходимо съ ней считаться и при изученіи творчества Боратынскаго, въ произведеніяхъ котораго такъ полно и значительно отразилась природа.

То же, что мы говорили о гармоніи природы и душевнаго міра у Пушкина, можно вполне примѣнить и къ Боратынскому, для музы котораго наибольшее значеніе имѣла Финляндія съ ея живописно-угрюмой природой, удивительно соотвѣтствовавшей его натурѣ. Послѣ отъѣзда изъ Финляндіи Боратынскій писалъ своему другу Н. В. Путьятѣ: „Пріѣзжай, милый Путьята, поговоримъ еще о Финляндіи, гдѣ я пережилъ все, что было живого въ моемъ сердцѣ. Ея живописныя, хотя угрюмыя горы похожи на прежнюю судьбу мою, также угрюмую, но, по крайней мѣрѣ, довольно обильную въ отличительныхъ краскахъ. Судьба, которую я предвижу, будетъ подобна русскимъ однообразнымъ равнинамъ, какъ теперь — покрытымъ снѣгомъ и представляющимъ одну вѣчно-унылую картину“. Финляндія питала творческія думы Боратынскаго и внушала поэтическіе сны. Неудивительно поэтому, что поэтъ думалъ о ней всегда съ признательностью и говорилъ: *„Этотъ край былъ пестуномъ моей поэзіи. Лучшая мечта моей поэтической гордости состояла бы въ томъ, чтобы въ память мою посѣщали Финляндію будущіе Поэты“*.

Наиболѣе полно отразилась природа Финляндія въ финляндской поэмѣ „Эда“, въ „Финляндіи“, въ „Водопадѣ“ и въ другихъ произведеніяхъ Боратынскаго, а также въ его письмахъ къ матери. Особенно много и часто говоритъ поэтъ о картинахъ „отчизны непогоды“ въ первую половину своего пребыванія въ Финляндіи — въ 1820-23 гг., такъ какъ въ то время, какъ онъ писалъ А. О. Боратынской, онъ былъ почти наединѣ съ природой, и она составляла его истинное общество.

Слѣдуетъ отличать два періода пребыванія поэта въ Финляндіи: первый — съ 1820 по 1824 годъ, и второй — 1824 и 1825 годы.

Нейшлотскимъ полкомъ командовалъ въ то время полковникъ Георгій Васильевичъ Лутковскій, старый знакомый и сосѣдъ по имѣнію дяди поэта, адмирала Б. А. Боратынскаго.

Онъ принялъ сердечное участіе въ своемъ новомъ подчиненномъ, унтеръ-офицерѣ, и старался облегчить положеніе поэта, попавшаго въ добровольную ссылку. Боратынскій скоро сошелся съ нимъ, полюбилъ его простое сердце и доброжелательство къ людямъ; поэтъ познакомился и съ другими офицерами Нейшлотскаго полка и особенно сблизился съ ротнымъ командиромъ, капитаномъ Коншинымъ; къ нему обратился Боратынскій съ тремя посланіями. Желаннымъ гостемъ былъ поэтъ и въ немногочисленномъ женскомъ обществѣ, изъ котораго намъ извѣстны жена и племянница Лутковскаго и сестры Аргуновы. Полкъ часто переѣзжалъ съ мѣста на мѣсто, и Боратынскому приходилось жить то въ Фридрихсгамѣ, то въ Кюменѣ, то въ Роченсальмѣ. О жизни поэта въ это время можно судить по слѣдующему отрывку изъ его письма къ матери: „Я веду жизнь очень сладкую, очень спокойную и очень размѣренную. Я работаю немного по утрамъ у себя, обѣдаю у полковника и обыкновенно провожу вечеръ у него за игрой въ бостонъ съ дамами по копейкѣ за фишку; правда, что я всегда проигрываю, но за то я галантенъ, хотя бы для разсѣянія“.

Къ этому надо прибавить и легкія увлеченія Боратынскаго — игру въ чувство съ барышнями, о чемъ намъ говорятъ листки изъ альбомчика А. В. Лутковской и строки въ письмѣ къ Н. М. Коншину.

Но болѣе всего предавался поэтъ творчеству и въ звукахъ обрѣталъ высшую награду жизни за звуки и мечты.

Досуга у молодого унтеръ-офицера было достаточно, и онъ заполнялъ его тѣмъ, что занимался нѣмецкимъ языкомъ и проводилъ время въ разговорахъ и мечтаніяхъ съ Коншинымъ: легкія увлеченія и ласки Цирцей давали мало удовлетворенія Боратынскому, хотя и развлекали его. Онъ мечталъ о вѣрной и нѣжной подругѣ, которая замѣнила бы собою эти ласки и вмѣсто слѣпого, минутнаго упоенія дала бы надежное тихое счастье:

Шепчу я часто съ умиленьемъ
Въ тоскѣ задумчивой моей:
Нельзя-ль найти любви надежной?
Нельзя-ль найти подруги нѣжной,
Съ кѣмъ могъ бы въ счастливой глуши
Предаться нѣгѣ безмятежной
И чистымъ радостямъ души;
Въ чье неизмѣнное участие
Безпечно вѣровалъ бы я —
Случится-ль ведро иль ненастье
На перепутьи бытія?
Гдѣ-жъ обреченная судьбою,
На чьей груди я успокою
Мою усталую главу?...

И Боратынскій вѣрилъ, что „тихий свѣтъ“ очей ея озаритъ его душу.

Жизнь Боратынскаго въ Финляндіи проходила тихо, но размѣренно и полно, — и въ бодромъ, мажорномъ тонѣ описываетъ онъ ее въ посланіи къ Гнѣдичу:

Судьбу младенчески за строгость не виня
И взявъ съ тебя примѣръ, Поэзію, Ученье

Призвалъ я украшать мое уединенье.
 Лѣса угрюмые, громады мшистыхъ горъ,
 Пришельца новаго пугающіе взоръ,
 Свинцовыхъ моря водъ безбрежная равнина,
 Нагѣвъ томительный протяжныхъ пѣсенъ Финна
 Не долго, помню я, въ печальной сторонѣ,
 Печаль холодную вливали въ душу мнѣ.
 Я побѣдилъ ее, и, не убить неволей,
 Еще я бытія владѣю лучшей долей,
 Я мыслю, чувствую: для духа нѣтъ оковъ;
 То вопрошаю я преданія вѣковъ,
 Паденья, славы царствъ читаю въ нихъ причины;
 Наставленъ давнею превратностью Судьбины,
 Судьбѣ покорствоватъ учуся я моею;
 То занять свойствами и нравами людей,
 Въ ихъ своевольныя вникаю побужденья,
 Слѣжу я сердца ихъ сокрытыя движенья
 И разуму отчетъ стараюсь въ сердцѣ дать.
 То вдохновеніе, Парнаса благодать,
 Мнѣ душу радуетъ восторгами своими.
 На часъ обворожень, на часъ обмануть ими,
 Дышу свободно я и, лиру взявъ свою,
 И дружбу, и любовь, и счастье пою.

Было бы однако ошибкой думать, что, пользуясь полнотою жизни и всѣми благами бытія, Боратынскій былъ безмятежно счастливъ: угрюмая страна, пестунъ его поэзіи, питала въ немъ „безумье мрачныхъ думъ“, часто нарушавшихъ спокойное теченье его внутренней жизни. Кромѣ того, Боратынскій очень тяготился разлукою со своими петербургскими друзьями, которыхъ не могли ему замѣнить финляндскіе друзья, и въ томъ же посланіи „Н. И. Гнѣдичу“, вспоминая о русскихъ Аѳинахъ, поэтъ говорилъ:

Не Вакховыхъ пировъ, не лобызаній Фрины,
 Въ нескромной юности нескромно пѣтыхъ мной,
 Не шумной суеты, прославленной толпой, —
 Лишенье тяжко мнѣ въ краю, гдѣ Финну нищу
 Отчизна мертвая едва даруетъ пищу.
 Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ тягостно отсутствіе друзей...

И посланіе заканчивается слѣдующимъ воззваніемъ къ богамъ, которое поэтъ не разъ повторялъ мысленно:

Свободу дайте мнѣ,
 _____ найду я счастье самъ.
 Отдайте мнѣ друзей,

Послѣдній стихъ имѣеть два разночтенія, и эти разночтенія указываютъ на то, чѣмъ болѣе всего тяготился поэтъ въ Финляндіи, и чего ему недоставало для личнаго счастья. Но въ то время, какъ тягость разлуки съ друзьями умѣрялась въ общемъ довольно частыми свиданіями *), первое воззваніе къ богамъ — Свободу дайте мнѣ — начинало звучать все болѣе и болѣе безнадежно, такъ какъ всѣ хлопоты и представленія, которыя дѣлались Государю о Боратынскомъ, оставались безъ всякихъ послѣдствій. Поэтъ уставалъ надѣяться и въ декабрѣ 1823 года писалъ Жуковскому: „Вы знаете, какъ неуспѣшны были всѣ представленія, дѣлаемые обо мнѣ моимъ начальствомъ. Изъ году въ годъ меня представляли, изъ году въ годъ напрасная надежда на скорое прощеніе меня поддерживала; но теперь, признаюсь вамъ, я начинаю приходить въ отчаяніе. — Не служба моя, къ которой я привыкъ, меня обременяетъ: меня тяготитъ противорѣченіе моего положенія. Я не принадлежу ни къ какому сословію, хотя имѣю какое-то званіе. Ничьи надежды, ничьи наслажденія мнѣ не приличны. Я долженъ ожидать въ бездѣйствіи, по крайней мѣрѣ, душевномъ, перемѣны судьбы моей, ожидать, можетъ быть, еще новые годы! Не смѣю подать въ отставку, хотя, вступивъ въ службу по собственной волѣ, долженъ бы имѣть право оставить ее, когда мнѣ заблагоразсудится; но такую рѣшимость могутъ принять за своевольство. Мнѣ остается одно раскаяніе, что добровольно наложилъ на себя слишкомъ тяжелыя цѣпи. Должно сносить терпѣливо заслуженное несчастье, — не спору: но оно превосходитъ мои силы, и я начинаю чувствовать, что продолжительность его не только убила мою душу, но даже ослабила разумъ“. Изъ этого письма можно вывести заключеніе о томъ, какъ Боратынскій тяготился цѣпями, наложенными на него судьбой, и потому его восклицаніе — свободу дайте мнѣ! — нельзя признать за риторическое. Слѣдуетъ однако принять во вниманіе, что это письмо Боратынскій писалъ послѣ четырехъ лѣтъ жизни въ укрѣпленіяхъ Кюменя, жизни, которая начинала утомлять его своимъ однообразіемъ, а также и то, что поэтъ имѣлъ цѣлью смягчить мягкое сердце Жуковскаго и подвинуть его къ новымъ хлопотамъ; кромѣ того, Боратынскій писалъ Жуковскому по порученію послѣдняго и могъ думать, что это письмо будетъ въ рукахъ не одного Жуковскаго (какъ и оказалось въ дѣйствительности). Оговорки эти необходимы, потому что иначе можно впасть въ другую крайность и, забывъ то положительное, что имѣло для Боратынскаго его пребываніе въ Финляндіи, сгустить мрачныя краски и принять тягостное чувство отсутствія свободы за единственное чувство, владѣвшее душой поэта. Это чувство было сильнымъ, и часто поэтъ смотрѣлъ на все подъ угломъ зрѣнія его, но оно не исключало и многого другого, что дѣлало порой жизнь поэта отрадной и заставляло впослѣдствіи вспоминать о годахъ, проведенныхъ имъ въ Финляндіи, какъ о лучшихъ годахъ жизни.

*) За время своей службы унтеръ-офицеромъ въ Нейшлотскомъ полку Боратынскій былъ два раза въ продолжительныхъ официальныхъ отпускахъ: съ 1 декабря 1820 по 1 марта 1821 года и съ 21 сентября 1822 по 1 февраля 1823. Сверхъ того, Боратынскій провелъ (съ полкомъ) въ Петербургѣ лѣто 1821 года, февраль и мартъ 1822 (а лѣтомъ 1822 года его посетили въ Финляндіи баронъ А. А. Дельвигъ, В. Эртель и Н. И. Павлищевъ, мужъ сестры Пушкина, Ольги Сергѣевны), и въ Москвѣ — ноябрь и декабрь въ 1823 году. Возможно, что Боратынскій и болѣе часто покидалъ Финляндію и пріѣзжалъ въ Петербургъ, но намъ извѣстны только эти поѣздки, а также пребываніе его въ Петербургѣ лѣтомъ 1824 года.

VIII.

1824 годъ принесъ съ собою надежды и внесъ большее оживленіе и разнообразіе въ жизнь Боратынскаго. Письмо его къ Жуковскому получило дальнѣйшій ходъ, докладъ князя А. Н. Голицына въ 1824 году Государю былъ благопріятнымъ для поэта и давалъ увѣренность на прощеніе.

Весною Боратынскій пришелъ съ полкомъ въ Вильманстрандъ, и въ серединѣ мая Финляндскій Генераль-губернаторъ Арсеній Андреевичъ Закревскій (впослѣдствіи графъ) дѣлалъ смотръ Нейшлотскому полку на берегахъ пустыннаго озера близъ города Вильманстранда. Боратынскій стоялъ въ знаменныхъ рядахъ: „онъ былъ сухощавъ, блѣденъ, и черты его выражали глубокое уныніе“ — такъ описываетъ поэта Н. В. Путьята, видѣвшій его на этомъ смотрѣ. вмѣстѣ съ А. А. Закревскимъ проходили вдоль строя его адъютанты — Н. В. Путьята и А. А. Мухановъ, которымъ указали на поэта, и которые не преминули тотчасъ познакомиться съ нимъ. Обратилъ вниманіе на Боратынскаго также и самъ генераль-губернаторъ Закревскій, безпрестанно хлопотавшій о его дѣлѣ *).

Вскорѣ послѣ смотра въ Вильманстрандѣ Боратынскій поѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ пробылъ весь іюнь и іюль, и въ первыхъ числахъ августа вернулся въ Кюмень. Грустно было возвращаться поэту въ Кюмень и въ Роченсальмъ послѣ весеннихъ и лѣтнихъ впечатлѣній, но вскорѣ онъ получилъ радостное для себя извѣстіе: по просьбѣ Н. В. Путьяты, генераль Закревскій разрѣшилъ Боратынскому находиться при Гельсингфорскомъ штабѣ, и Н. В. Путьята приглашалъ поэта остановиться у него въ Гельсингфорсѣ. Въ серединѣ октября поэтъ уѣхалъ изъ Роченсальма.

Три мѣсяца, проведенные Боратынскимъ въ Гельсингфорсѣ, были для него, быть можетъ, самыми счастливыми и оживленными въ жизни. Боратынскій поселился на одной квартирѣ вмѣстѣ со своимъ новымъ знакомцемъ — Николаемъ Васильевичемъ Путьятой, съ которымъ онъ подружился на всю жизнь. Въ жизни Боратынскаго были три такія дружескія привязанности — къ Дельвигу, Путьятѣ и Кирѣевскому; но въ то время, какъ Дельвига очень рано (въ 1831 году) похитила смерть, а дружба съ Кирѣевскимъ не была продолжительной, дружба поэта съ Н. В. Путьятой не ослабѣвала за всѣ 20 лѣтъ, и послѣднее дружеское письмо ему послалъ Боратынскій за нѣсколько дней до своей смерти. Н. В. Путьята отличался большой любовью и знаніемъ литературы, и съ нимъ могъ дѣлиться Боратынскій всѣми своими поэтическими мечтами и замыслами. Все подвергалось суду новыхъ друзей, и горячій обмѣнъ мыслей оживлялъ поэта и заставлялъ его не жаловаться на судьбу, пославшую его въ Финляндію. „Помнишь-ли, писалъ Путьята поэту изъ Адрианополя, какъ часто среди... мрачныхъ картинъ угрюмой природы, пламенное воображеніе твое увлекалось въ страны благословеннаго, роскошнаго юга? — Подобно первобытнымъ сынамъ сихъ грозныхъ скалъ, вслѣдъ за ихъ могучими тѣнями, наши помыслы и желанія стремились къ той же цѣли, къ тѣмъ же мѣстамъ. — Берега Дуная,

*) Такъ, 20 февраля 1825 года А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Третьяго дня видѣлъ я Закревскаго... О Боратынскомъ несетъ онъ самъ записку и будетъ усиленнѣйшимъ и убѣдительнѣйшимъ образомъ просить за него. *Нельзя больше быть расположеннымъ въ его пользу.* Въ этомъ я какую-то имѣю теперь надежду на успѣхъ“. (Остафьевскій Архивъ князей Вяземскихъ, т. III, стр. 98). Слухи о расположеніи А. А. Закревскаго къ Боратынскому и объ участіи, принимаемомъ послѣднимъ въ дѣлѣ поэта, дошли и до Пушкина, который обѣщавъ свѣчку поставить за Закревскаго, если тотъ „выручитъ“ Боратынскаго.

Участіе, которое принимали въ его судьбѣ друзья, не могло не утѣшать Боратынскаго, и мы знаемъ очень много проявленій этого участія...

Царьградъ, Греція, возрождавшаяся изъ пепла, были безпрестанными предметами нашихъ разговоровъ...”

Въ Гельсингфорсѣ подружился поэтъ и съ другимъ адъютантомъ генерала Закревскаго — А. А. Мухановымъ и впослѣдствіи писалъ Путятѣ: „съ удовольствіемъ привожу себѣ на память нѣкоторые откровенные часы, проведенные съ тобою и Мухановымъ“. Общество Гельсингфорское, „дворъ“ генерала Закревскаго, было гораздо обширнѣе, разнообразнѣе и оживленнѣе Кюменскаго уюта. Въ Гельсингфорсѣ въ это время блистали своей красотой Аврора Карловна Шернваль (вышедшая замужъ за П. Н. Демидова, вторымъ бракомъ — за А. Н. Карамзина), заставлявшая страдать Муханова, и „беззаконная комета въ кругу расчисленномъ свѣтилъ“ — жена Закревскаго, Аграфена Ѳеодоровна, или, какъ ее называли увлеченные ею друзья — Боратынскій и Путята — Магдалина, Альсина, Фея...

Красота Закревской ослѣпляла воображеніе поэта, а ея странный характеръ, выходящій изъ круга повседневныхъ, въ которомъ необычайнымъ образомъ соединились и мирились самыя противоположныя свойства, — дѣтская веселость съ судорожнымъ смѣхомъ и слезами, жажда жизни и душевная потребность съ холодомъ смерти и душевной опустошенностью, жизненная опытность съ дѣтскою довѣрчивостью и невинностью, Клеопатра съ Магдалиною, — этотъ сложный и странный характеръ притягивалъ Боратынскаго къ женщинѣ, на которую, по его словамъ, „опасно и глядѣть“; и онъ признавался Путятѣ, что Закревская не покидаетъ его воображенія. Поэтъ искалъ и жаждалъ „мучительнаго удовольствія“ — глядѣть на „Фею“ и слушать ее, но съ робостью и страхомъ подходилъ къ ней и спасался отъ ея чаръ чарами поэзіи: „Спѣшу къ ней, писалъ Боратынскій Путятѣ изъ Петербурга лѣтомъ 1825 года: ты будешь подозрѣвать, что и я нѣсколько увлеченъ. Нѣсколько, правда; но я надѣюсь, что первые часы уединенія возвратятъ мнѣ разсудокъ. Напишу нѣсколько элегій и засну спокойно. Поэзія — чудесный талисманъ: очаровывая сама, она обезсиливаетъ чужія вредныя чары“.

Боратынскій страшился потерять разсудокъ въ увлеченіи „Магдалиной“, но отъ страсти его спасалъ не только чудесный талисманъ — поэзія, а также и его склонность къ анализу своихъ чувствъ. А. Ѳ. Закревская отразилась въ творчествѣ Боратынскаго очень ярко: образъ ея вдохновилъ поэта на созданіе многихъ лирическихъ стихотвореній, и подъ обаяніемъ этого образа началъ Боратынскій въ февралѣ 1825 года (по возвращеніи изъ Гельсингфорса въ Кюмень) свою поэму „Балъ“, изъ котораго небольшой отрывокъ онъ послалъ Путятѣ и писалъ своему другу: „Въ самой поэмѣ ты узнаешь Гельсингфорскія впечатлѣнія. Она моя Героиня. Стиховъ 200 уже у меня написано. Пріѣзжай, посмотришь, и мнѣ не найти лучшаго и законнѣйшаго критика“. Увлеченіе графиней Закревской, особенно сильное въ 1825 году, въ 1826 пошло на убыль или погасло, но съ новой силой вспыхнуло въ сердцѣ поэта въ 1828-1829 гг.; но тогда онъ уже былъ женатъ и потому тщательно скрывалъ свое чувство, и оно осталось тайной даже для его друзей.

Въ Гельсингфорсѣ Боратынскій много занимался и поэзіей (въ Гельсингфорсѣ написана почти вся „Эда“, „Буря“, „Леда“ и многія другія лирическія стихотворенія), и незамѣтно для него прошли три съ половиной мѣсяца, проведенные тамъ и оставившіе живое воспоминаніе въ поэтѣ. Въ концѣ января (1825) Н. В. Путята уѣхалъ въ Москву, и вскорѣ послѣ того (1-2 февраля) Боратынскій вернулся въ свой полкъ, въ Кюмень, совершивъ путешествіе въ обществѣ Закревской.

По пріѣздѣ въ Кюмень Боратынскій поселился въ домѣ Г. В. Лутковскаго и 10 февраля послалъ матери письмо, въ которомъ нѣтъ и тѣни недовольства судьбой или

ропота: „Я пишу вамъ, дорогая маменька, изъ Кюменя, гдѣ мой добрый Лутковской и его жена приняли меня со старинной дружбой. Я ихъ увидѣлъ снова съ истиннымъ удовольствіемъ, и могло-ли быть иначе? Окруженный ихъ добротой, я провелъ съ ними пять лѣтъ, всегда принятый какъ лучшій другъ. Имъ обязанъ я всѣми смягченіями моего изгнанія.

„Генераль *) попросался со мной самымъ любезнымъ образомъ и обѣщаль мнѣ сдѣлать все зависящее отъ него, чтобы меня выдвинуть. Я думаю, что онъ сдержитъ слово. Если даже, несмотря на его добрыя намѣренія, ничего не выйдетъ, я навсегда сохраню къ нему живую признательность за всѣ удовольствія моего пребыванія въ Гельсингфорсѣ. Три мѣсяца, проведенные тамъ, будутъ для меня всегда пріятнымъ воспоминаніемъ.

„Я уѣхаль съ его женой **) на слѣдующій день послѣ него. Ничего не можетъ быть веселѣе нашего небольшого совмѣстнаго путешествія. Съ нами были та Miss ***) , о которой я вамъ говорилъ, и одинъ изъ адъютантовъ, молодой человекъ съ большимъ умомъ ****). Наши обѣды и ужины были какъ нельзя болѣе пріятными. Мы разстались большими друзьями, и это путешествіе возбудило во мнѣ, по крайней мѣрѣ на нѣсколько мгновеній, страсть къ приключеніямъ. Что вамъ сказать о моей жизни здѣсь? Все то же, что и многіе годы...“ Такимъ же бодрымъ тономъ отличаются всѣ письма Боратынскаго къ Путятѣ, въ которыхъ поэтъ говоритъ о литературныхъ явленіяхъ и о своихъ произведеніяхъ, но чаще всего возвращается мыслью къ Гельсингфорской жизни и къ ея впечатлѣніямъ. Къ своему вынужденному уединенію Боратынскій относится теперь гораздо спокойнѣе и терпѣливѣе ждетъ переменъ судьбы.

Между тѣмъ хлопоты вліятельныхъ друзей о дѣлѣ Боратынскаго увѣнчались успѣхомъ, и 21 апрѣля 1825 года былъ подписанъ Высочайшій приказъ о производствѣ Боратынскаго въ офицеры — въ прапорщики. Приказъ, подписанный въ Варшавѣ, былъ полученъ въ Петербургѣ 4 мая, и Н. В. Путята свезъ его въ Кюмень поэту.

Въ письмѣ къ А. А. Муханову Путята рассказываетъ о томъ впечатлѣніи, какое произвела на поэта эта радостная вѣсть: „Не могу пересказать тебѣ восхищенія Боратынскаго, когда я объявилъ ему о его производствѣ: блаженство его въ эту минуту, искреннее участіе, которое всѣ окружающіе его принимали въ переменѣ его судьбы и которое доказало мнѣ, какъ онъ былъ ими любимъ, откровенные разговоры о прошедшемъ и будущемъ, все это доставило мнѣ нѣсколько пріятнѣйшихъ часовъ въ моей жизни. Съ радостію также замѣтилъ я, что вѣрная спутница въ его несчастіи, Поэзія, не будетъ имъ забыта въ благополучіи. Хотя онъ не помнилъ себя, бѣгалъ и прыгалъ какъ ребенокъ, но не могъ удержаться, чтобы не прочесть мнѣ нѣсколько страницъ изъ сочиняемой имъ поэмы, въ которой онъ разсѣялъ много хорошаго и много воспоминаній объ нашей Гельсингфорской жизни. Доселѣ Поэзія была необходимостію души, убитой горестью и жаждущей излить свои чувства, теперь она содѣлается цѣлію его жизни. Время докажетъ, выиграетъ или потеряетъ его талантъ при сей переменѣ обстоятельствъ...”

Такою же радостію дышатъ письма и самого Боратынскаго, „щеголяющаго въ Нейшлотскомъ мундирѣ“, и онъ признается Муханову, что „мочи нѣтъ отъ радости“ *).

*) Генераль-губернаторъ Арсеній Андреевичъ Закревскій.

**) Аграфеной Θεодоровной Закревской.

***) Каролина Левандеръ.

****) Князь Львовъ.

Финляндія стала особенно дорога свободному Боратынскому, получившему право выбора службы, и даже Петербургъ пересталъ теперь имѣть то исключительное значеніе и интересъ, какое имѣлъ раньше. Привыкнувъ къ Финляндіи и полюбивъ печальную страну, въ которой развивалась его творческая душа и выражалась въ гармоническихъ печальныхъ звукахъ; привыкнувъ и привязавшись къ людямъ, окружавшимъ его болѣе пяти лѣтъ и дѣлившимъ его радости, а чаще невзгоды; найдя такихъ преданныхъ, истинныхъ друзей, какъ Н. В. Путята, — Боратынскій въ своей давно жданной радости готовъ былъ „остановить мгновеніе“ и съ неохотой думалъ о Петербургѣ, куда отправлялся его полкъ для несенія караульной службы. Поэтъ писалъ Н. В. Путятѣ: „Когда подумаю о Петербургѣ, меня трясетъ лихорадка“.

Лѣто 1825 года Боратынскій провель въ Петербургѣ, гдѣ, по его словамъ, велъ разсѣянную жизнь (онъ продолжалъ увлекаться А. Θ. Закревской) и въ серединѣ августа отправился съ удовольствіемъ въ ту Финляндію, „которая, какъ онъ писалъ матери изъ Выборга (16 августа 1825 г.), была для меня изгнаніемъ, но которая представляется мнѣ теперь сладкимъ и спокойнымъ убѣжищемъ“. Но недолго пришлось поэту оставаться въ своемъ убѣжищѣ: болѣзнь матери вынудила его взять отпускъ на 4 мѣсяца и отправиться въ Москву.

Въ октябрѣ 1825 года поэтъ пріѣхалъ въ Москву, побывавъ предварительно въ дорогѣ для него воспоминаніями Гельсингфорсѣ. Въ Москвѣ передъ нимъ возникла тяжелая задача, доставившая ему много горестныхъ минутъ и заставившая его говорить въ письмѣ къ Путятѣ: „Повѣришь-ли, что теперь именно начинается самая трудная эпоха моей жизни“. Свиданіе поэта съ семьей было не столько радостно, сколько горестно: онъ нашелъ свою мать въ самомъ жалкомъ положеніи, которое заставило его подумать о необходимости бросить службу въ Финляндіи. Но помимо того, что Боратынскій любилъ Финляндію и считалъ ее своимъ убѣжищемъ, съ Финляндіей у него было внутренне-тѣсно связано творчество, и, покидая „угрюмую страну“, поэтъ думалъ, что онъ покидаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свою Музу. Послѣ долгихъ и тяжелыхъ колебаній поэтъ наконецъ рѣшился и подалъ прошеніе объ отставкѣ, но какъ тяжело было для него этотъ шагъ, какой душевной муки стоила ему эта жертва, можно судить по слѣдующему письму его къ Путятѣ: „.....Я не могу скрыть отъ моей совѣсти, что я необходимъ моей матери по какой-то болѣзненной ея нѣжности ко мнѣ, я долженъ (и почти для спасенія ея жизни) не разставаться съ нею. Но что же я имѣю въ виду? Какое существованіе? Его описать невозможно. Я рассказывалъ тебѣ нѣкоторыя подробности: теперь все то же, только хуже. Жить дома — для меня значить жить въ какой-то тлетворной атмосферѣ, которая вливаетъ отраву не только въ сердце, но въ кости. Я рѣшился, но, признаюсь, не безъ усилія. Что дѣлать? — противно быть чудовищнымъ Эгоистомъ. Я думаю просить перевода въ одинъ изъ полковъ, квартирующихъ въ Москвѣ....

„Прощай свобода, прощай Поэзія! Извини, милый другъ, что я налегаю на твою душу своимъ горемъ, но, право, мнѣ нужно было нѣсколько излиться“.

Тщетно отговаривали поэта отъ этого шага и друзья его, и баронъ Дельвигъ писалъ ему 8 февраля 1826 года: „Что ты хочешь сдѣлать съ твоей головешкой? Зачѣмъ подалъ въ отставку, зачѣмъ замыслилъ утонуть въ Московской грязи? Тебѣ-ли быть дрянью? На то ли я тебя свелъ къ Музамъ, чтобъ ты промѣнялъ ихъ на беззубую хричовку Москву. И какой ты можешь быть утѣшитель матери, когда каждое мгновеніе, проведенное тобою

*) 13-го мая 1825 года А. И. Тургеневъ писалъ князю П. А. Вяземскому: „Я получилъ письмо отъ Боратынскаго, и до слезъ прошибла меня его радость и выраженіе этой радости“.

въ Москвѣ, должно широко и тяжело падать на твою душу и скукою безобразить твою фигуру. Вырвись изъ этого вертепа!“ *) Но письмо Дельвига опоздало: 31 января 1826 г. Боратынскій вышелъ въ отставку и съ тяжелымъ предчувствіемъ вступалъ въ новую эпоху своей жизни, которая, какъ ему казалось, „будетъ подобна русскимъ однообразнымъ равнинамъ..... представляющимъ одну вѣчно-унылую картину“. Прощаясь съ Финляндіей, Боратынскій вмѣстѣ съ тѣмъ прощался и со своею молодостью.

IX.

Предчувствіе поэта оправдалось. Вся послѣдующая жизнь Боратынскаго не богата „отличительными красками“, бѣдна внѣшними событіями и опредѣляется однимъ лишь важнымъ событіемъ 1826 года: его женитьбой на Анастасіи Львовнѣ Энгельгардтъ. 10 мая 1826 года князь П. А. Вяземскій писалъ Пушкину, что Боратынскій „женится на сосѣдкѣ моей Енгельгардтъ, дѣвушкѣ любезной, умной и доброй, но не элегіической по наружности“. Съ недовѣріемъ приглядывались друзья поэта къ его желанію обречь себя этой „не элегіической по наружности“ дѣвушкѣ (Н. Л. Энгельгардтъ не отличалась красотой), и даже самый умъ ея болѣе пугалъ, чѣмъ привлекалъ къ себѣ друзей Боратынскаго. Происходя изъ хорошей, интеллигентной семьи (отецъ ея былъ Л. Н. Энгельгардтъ, извѣстный авторъ „Записокъ“), Анастасія Львовна отличалась любовью къ искусству, тонко развитымъ поэтическимъ чувствомъ, большимъ умомъ (о чемъ говорятъ и всѣ современники) и твердою, непреклонною волею; непреклонность воли и характера страннымъ образомъ соединялись въ ней съ мягкимъ, отзывчивымъ сердцемъ и тою особенною нѣжностью и очарованіемъ, которымъ она покорила себѣ „бунтующую музу“ поэта и создала ему спокойный, тихій уютъ въ жизни. Но прекрасная семьянинка, Анастасія Львовна въ обществѣ часто производила другое впечатлѣніе, не умѣла ладить съ людьми и своимъ безпокойнымъ, неуживчивымъ нравомъ и ревнивымъ обереганіемъ своихъ исключительныхъ правъ на поэта способствовала тому, что Боратынскій сталъ все болѣе и болѣе расходиться со своими лучшими друзьями и отдаляться отъ нихъ (отъ Пушкина, Кирѣевскаго и т. д.) **).

9 іюня 1826 года произошло вѣнчаніе поэта съ Н. Л. Энгельгардтъ, и наконецъ исполнились завѣтныя мечтанія Боратынскаго — успокоить „свою усталую главу“ на груди „обреченной судьбою“. Въ концѣ этого года поэтъ писалъ Н. М. Коншину, своему старому товарищу по финляндской жизни: „Такъ, мой милый, вашего полку прибыло: я женатъ и счастливъ. Ты знаешь, что сердце мое всегда рвалось къ тихой и нравственной жизни. Препрежнее мое существованіе, беспорядочное и своенравное, всегда противорѣчило и свойствамъ моимъ и мнѣніямъ. Наконецъ я дышу воздухомъ, мнѣ потребнымъ; но я не стану приписывать счастья моего моимъ философическимъ правиламъ, — нѣтъ, мой милый: главное дѣло въ томъ, что Богъ мнѣ далъ добрую жену, что я желалъ счастья и

*) Приведенныя нами выдержки изъ писемъ Боратынскаго и барона Дельвига не вошли ни въ одно изъ собраній сочиненій обоихъ поэтовъ.

***) Такъ, мать Кирѣевскихъ, А. П. Елагина писала въ 1860 году С. М. Боратынской: „Неужели дѣти моего вѣчно мнѣ милого Евгенія Абрамовича наслѣдовали непостижимую для меня ненависть своей матери?“ Въ другомъ письмѣ она говоритъ: „И я прошла жизнь не безъ горькихъ испытаній: *temoin Eugene Boratinsky*. ...Я знала о смерти Настасьи Львовны, и горько мнѣ было думать о прошломъ. Но теперь все извѣстно“. Намъ, къ сожалѣнію, далеко не „все извѣстно“ въ разрывѣ отношеній Боратынскаго съ Кирѣевскими и другими его друзьями. Замѣтимъ кстати, что въ архивѣ Мары, изъ котораго мы цитировали настоящія письма, находятся и неизданныя письма Авдотьи Петровны Елагиной, и въ этихъ письмахъ удивительнымъ образомъ отражаются ея душевная ясность и спокойствіе.

нашелъ его. Я былъ подобенъ больному, который желалъ навѣстить прекрасный отдаленный край, знаетъ лучшую къ нему дорогу, но не можетъ подняться съ постели. Пришелъ врачъ, возвратилъ ему здоровье, онъ сѣлъ и поѣхалъ. Отдаленный край — счастье, дорога — философія, врачъ — моя Настенька“. И дѣйствительно, „добрая жена“ Боратынскаго дала ему все возможное счастье, и они прожили безмятежно-счастливую семейную жизнь, на которую изрѣдка незначительныя недоразумѣнія набрасывали тѣнь, но не въ силахъ были омрачить ее.

„Супруги Боратынскіе, — рассказываетъ Л. Н. Павлищевъ въ своей семейной хроникѣ, — эти два, какъ выразилась моя мать, *исполненные поэзіи меланхолическіе образа*, души одинъ въ другомъ не чаяли; тихій, спокойный семейный ихъ очагъ не омрачался никогда и тѣнью какихъ-либо взаимныхъ пререканій, а дѣло выходило очень просто: при отсутствіи матеріальныхъ лишеній и заботъ о насущномъ хлѣбѣ, жизнь служила имъ обширнымъ полемъ для всесторонняго духовнаго развитія, и — какъ сказалъ Пушкинъ — чувствъ добрыхъ. Возвышенный взглядъ одного изъ супруговъ на земное бытіе, воплощенный и въ его поэтическихъ твореніяхъ, дополнялся такимъ же взглядомъ другаго, и оба они видѣли въ домашнемъ очагѣ единственную свою отраду, единственное счастье“ *).

Боратынскій окружилъ Настасью Львовну нѣжными заботами, боготворилъ ее и не измѣнилъ своего нѣжно-любовнаго отношенія къ ней до самыхъ послѣднихъ дней своихъ, сокращенныхъ волненіями за горячо любимую имъ супругу. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти поэтъ обращался къ ней со стихотвореніемъ, въ которомъ говорилъ:

Когда, дитя и страсти и сомнѣнья,
Поэтъ взглянулъ глубоко на тебя, —
Рѣшилась ты дѣлать его волненья,
Въ немъ таинство печали полюбя.
Ты, смѣлая и кроткая, со мною
Въ мой дикій адъ сошла рука съ рукою, —
Рай зрѣла въ немъ чудесная любовь.
О, сколько разъ къ тебѣ, святой и нѣжной,
Я приникалъ главою моею мятежною,
Съ тобой себѣ и небу вѣря вновь.

Въ женитьбѣ Боратынскій стремился найти успокоеніе и отдыхъ и безропотно подчинился кроткому и мягкому деспотизму своей супруги; она была также высшимъ судьей и цѣнителемъ его произведеній, и часто поэтъ перерабатывалъ свои стихотворенія по ея внушенію. Но порой такое полное подчиненіе женѣ бывало тягостно поэту, и онъ таилъ въ себѣ думы, которыя оберегалъ отъ нея, не удовлетворяясь одними тихими радостями семейной жизни. Старательно заглушалъ въ себѣ Боратынскій голоса, какъ онъ выражался, „дикаго ада“ и подавлялъ мечтанія свободы, побѣждая умомъ чувство и увлеченія „беззаконными свѣтилами“. Всего тягостнѣе для него была разлука съ друзьями, и онъ писалъ (въ началѣ 1828 года) Н. В. Путятѣ: „Я теперь постоянный Московскій житель. Живу тихо, мирно, счастливъ моею семейственною жизнію, но, признаюсь, Москва

*) Въ „Семейной Хроникѣ“ Л. Павлищева далеко не весь матеріалъ отличается одинаковой достовѣрностью, и, въ частности, не всегда точны свѣдѣнія о Н. Л. Боратынской, которую Л. Н. Павлищевъ хорошо зналъ въ дѣтствѣ (она ему замѣняла мать); этотъ рассказъ однако находитъ подтвержденіе и въ современныхъ свидѣтельствахъ.

мнѣ не по сердцу. Вообрази, что я не имѣю ни одного товарища, ни одного человѣка, которому могъ бы сказать: помнишь? съ кѣмъ бы могъ потолковать нараспашку. Это тягостно. Жду тебя какъ дождя Майскаго. Здѣшняя атмосфера суха, пыльна неимовѣрно. *Женатые люди имѣютъ больше нужды въ дружбѣ, нежели холостые*“.

Х.

Тихо и спокойно потекла семейная жизнь Боратынскихъ въ Москвѣ, и С. Л. Пушкинъ такъ описывалъ ее въ письмѣ къ дочери, О. С. Павлицевой: „Видимъ Боратынскихъ въ Москвѣ очень часто; не зная безсонныхъ ночей на балахъ и раутахъ, Боратынскіе ведутъ жизнь самую простую: встаютъ въ семь часовъ утра во всякое время года, обѣдаютъ въ полдень, отходятъ ко сну въ 9 часовъ вечера и никогда не выступаютъ изъ этой рамки, что не мѣшаетъ имъ быть всѣмъ довольными, спокойными, слѣдовательно счастливыми“.

Оживленно прошелъ для Боратынскаго 1826 годъ, когда онъ началъ свою новую, семейную жизнь и, какъ бы подводя итоги прошедшей, работалъ надъ изданіемъ своихъ стихотвореній, вышедшимъ въ слѣдующемъ году. Работа эта увлекла Боратынскаго и, при его свойствѣ неизнаваемо передѣлывать свои произведенія, оказалась не собираніемъ стихотвореній, разсѣянныхъ по журналамъ и альманахамъ, а новой творческой работой, такъ какъ поэтъ хотѣлъ придать наибольшую цѣльность своему сборнику и для этого, въ безпрестанной борьбѣ гордости ума съ правами сердца, какъ онъ писалъ Путятѣ, часто побѣждалъ „умомъ сердечное чувство“.

Къ концу 1826 года Боратынскій постепенно началъ втягиваться въ литературную жизнь Москвы, особенно оживленную въ это время возвращеніемъ Пушкина изъ ссылки и пріѣздомъ его въ древнюю столицу 8 сентября. Боратынскій присутствовалъ на чтеніи „Бориса Годунова“ и возобновилъ свое знакомство съ Пушкинымъ, при чемъ поэты часто видались и подружились болѣе прежняго (въ 1828 году въ одной книжкѣ вышли „Графъ Нулинъ“ Пушкина и „Баль“ Боратынскаго). Въ это же время познакомился Боратынскій и съ княземъ Вяземскимъ, Погодинымъ, Языковымъ, Веневитиновымъ, Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими и съ другими поэтами и литераторами. Боратынскій присутствовалъ на литературныхъ вечерахъ Н. А. Полевого, князя П. А. Вяземскаго, а вскорѣ начались литературные понедѣльники и въ его домѣ.

Весною 1827 года Боратынскій уѣхалъ съ женою и дочерью (Александрой Евгеніевной) въ свою родную Тамбовскую деревню — въ Мару и тамъ оставался до конца года.

Вернувшись въ Москву, поэтъ болѣе прочно основался въ ней и поступилъ на службу въ число канцелярскихъ служителей къ Главному Директору Межевой канцеляріи, съ переименованіемъ въ коллежскіе регистраторы. Въ этой канцеляріи Боратынскій пробылъ до 1831 года (когда окончательно вышелъ въ отставку) *), но служба мало обременяла поэта и давала ему не только необходимый досугъ, но и возможность на долго уѣзжать изъ Москвы. Какъ-то безслѣдно прошла для Боратынскаго его служба въ Межевой канцеляріи, и едва ли не единственное упоминаніе о ней мы находимъ въ письмѣ къ Н. В. Путятѣ, въ которомъ поэтъ говоритъ: „Не гожусь я ни въ какую

*) Изъ дѣла объ опредѣленіи Боратынскаго на службу и увольненіи, хранящагося въ Пушкинскомъ Домѣ, явствуетъ, что поэтъ поступилъ въ Межевую канцелярію 24 января 1828 года, 20 февраля 1828 былъ переименованъ въ коллежскіе регистраторы, затѣмъ былъ произведенъ въ губернскіе секретари (со старшинствомъ съ 14 апрѣля 1830) и 26 іюля 1831 года былъ уволенъ по прошенію отъ службы.

канцелярію, хотя недавно вступилъ въ Межевую; но, слава Богу, мнѣ дѣла мало, а то было бы худо моему начальнику“.

Дружественныя и литературныя связи поэта очень упрочились за это время. Боратынскій жилъ въ домѣ своего тестя, Л. Н. Энгельгардта, въ Чернышевскомъ переулкѣ (нынѣ Станкевича), противъ дома князя П. А. Вяземскаго. Поэтъ часто видѣлся съ княземъ Вяземскимъ, и между ними завязались настоящія дружескія отношенія, — Боратынскій гостилъ въ подмосковной Вяземскаго, въ Остафьевѣ, вмѣстѣ съ нимъ „танцевалъ въ Москвѣ“ и „занимался текущею словесностью“. „Чѣмъ болѣе вижу съ Боратынскимъ, писалъ князь Вяземскій А. И. Тургеневу 15 октября 1828 года, — тѣмъ болѣе люблю его за чувства, за умъ, удивительно тонкій и глубокий, раздробительный. Возьми его въ распахъ, какъ хочешь: вездѣ и всегда найдешь его съ новою, своею мыслью, съ собственнымъ воззрѣніемъ на предметъ“ *).

Въ 1828 году былъ въ Москвѣ Мицкевичъ, и, какъ можно думать, между знаменитымъ польскимъ поэтомъ и Боратынскимъ установилась извѣстная близость; по крайней мѣрѣ, Боратынскій часто видѣлся съ Мицкевичемъ и, высоко цѣня его дарованіе, тѣмъ ревнивѣе относился къ его самобытности и говорилъ:

Когда тебя, Мицкевичъ вдохновенный,
Я застаю у Байроновыхъ ногъ,
Я думаю: поклонникъ униженный,
Возстань, возстань и вспомни — самъ ты богъ!

Боратынскій присутствовалъ на проводахъ Мицкевича изъ Москвы, и его имя выгравировано на золотомъ кубкѣ, поднесенномъ польскому поэту; извѣстно также, что впослѣдствіи Боратынскій участвовалъ въ подпискѣ въ пользу Мицкевича, когда послѣдній безъ средствъ находился въ Парижѣ.

Болѣе всего однако имѣетъ значеніе дружба Боратынскаго съ семействомъ Кирѣевскихъ, въ которомъ онъ былъ своимъ, домашнимъ человѣкомъ, и особенно съ Иваномъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ. „Ты первый изъ всѣхъ знакомыхъ мнѣ людей, писалъ поэтъ И. В. Кирѣевскому, съ которымъ изливаюсь я безъ застѣнчивости: это значитъ, что никто еще не внушалъ мнѣ такой довѣренности къ душѣ своей и своему характеру“. Поэтъ былъ вполне откровененъ въ разговорахъ съ своимъ новымъ другомъ, въ разговорахъ, заходившихъ далеко за полночь, и находилъ въ Кирѣевскомъ не только надежнаго, вѣрнаго друга и прекраснаго человѣка, но и лучшаго, умнаго, образованнаго и чуткаго ко всему прекрасному критика. Въ разлукѣ съ Кирѣевскимъ Боратынскій не пропускалъ почты, и по этимъ письмамъ можно лучше всего судить о Боратынскомъ въ пору 1829-1832 гг. Дружба поэта съ Кирѣевскимъ отличалась особенной горячностью и сердечностью, и проявленія этой дружбы мы находимъ въ каждомъ письмѣ Боратынскаго, съ нѣжностью вспоминающаго своего друга и радующагося тому, „что мое чутье меня въ тебѣ не обмануло; радъ еще одному — что ты, съ твоей чувствительностію пылкою и разнообразною, полюбилъ меня, а не другого. Я нахожу довольно теплоты въ моемъ сердцѣ, чтобъ никогда не охладило твоего, чтобы дѣлить всѣ твои мечты и отвѣчать

*) Въ этомъ же письмѣ князь Вяземскій приводитъ „раздробительность“ ума Боратынскаго: „Сегодня разговорились мы съ нимъ о Филаретѣ, къ которому возить его тестъ Энгельгардтъ. Онъ говоритъ, что ему Филаретъ и вообще наши монахи сановные напоминаютъ всегда что-то женское: рясы, какъ юбка, и въ обращеніи какое-то кокетство, игра затверженной роли и прочее. Мнѣ кажется, что это замѣчаніе удивительно вѣрно“. (Остафьевскій Архивъ, т. III, стр. 179-180).

душевымъ словомъ на душевное слово... Мы съ тобой довольно прожили, поспорили, помечтали, чтобы не забыть другъ друга. Мы съ тобой товарищи умственной службы, умственныхъ походовъ, и связь наша должна быть по крайней мѣрѣ столько же надежною, сколько-бъ она могла быть между товарищами по службѣ Е. И. В. и по походамъ графа Паскевича Эриванскаго“. Боратынскій привыкалъ дѣлиться своею внутреннею жизнью съ Кирѣевскимъ и повѣрялъ ему свои литературные планы и замыслы, зная, что никто лучше Кирѣевскаго не пойметъ его и не поддержитъ въ его начинаніяхъ. И благодаря побужденіямъ Кирѣевскаго, литературная дѣятельность Боратынскаго за время 1828-1832 гг. становится особенно интенсивной: къ этому времени относятся многія лирическія стихотворенія Боратынскаго, его поэмы „Переселеніе душъ“, „Вѣра и невѣріе“, „Наложница“, рассказъ „Перстень“, недошедшіе до насъ романъ и драма, собраніе стихотвореній и поэмъ, въ двухъ частяхъ, вышедшее въ 1835 году (надъ этимъ изданіемъ Боратынскій работалъ въ 1832-1833 гг.) и пр. и пр.

Объясненіе такой интенсивности творчества въ поэтѣ, который начиналъ было все рѣже и рѣже приниматься за перо, заключается въ томъ, что въ отзывахъ Кирѣевскаго Боратынскій видѣлъ не только лестныя слова и признаніе таланта, но и глубокое пониманіе самой основы своей поэзіи. По поводу разбора „Наложницы“ Кирѣевскимъ поэтъ писалъ ему: „Ты меня понялъ совершенно, вошелъ въ душу поэта, схватилъ поэзію, которая мнѣ мечтается, когда я пишу. Твоя фраза: *переноситъ насъ въ атмосферу музыкальную и мечтательно просторную* заставила меня восторгнуться отъ радости, ибо это-то самое достоинство я подозревалъ въ себѣ въ минуты авторскаго самолюбія, но выражалъ его хуже. Не могу не вѣрить твоей искренности: нѣтъ поэзіи безъ убѣжденія, а твоя фраза принадлежитъ поэту“. Пользовавшійся въ 20-хъ годахъ довольно шумнымъ успѣхомъ, ставившимъ его имя рядомъ съ именемъ Пушкина, Боратынскій не былъ избалованъ такимъ внутреннимъ, настоящимъ успѣхомъ и признаніемъ и въ оцѣнкѣ своего таланта Кирѣевскимъ, въ оцѣнкѣ, которой онъ безусловно довѣрялъ, почерпалъ увѣренность въ своихъ силахъ, душевную бодрость и желаніе не только писать, но и печатать свои произведенія.

Литературная слава мало привлекала къ себѣ Боратынскаго, и для выступленія въ печати ему необходимы были какія-нибудь посторонніе причины и стимулы: такими стимулами въ 1830 г. было основаніе дружественной поэту „Литературной Газеты“, а въ 1832 — „Европейца“ И. В. Кирѣевскаго, для котораго Боратынскій началъ очень усиленно работать, желая поддержать изданіе своего друга. На третьемъ №-рѣ „Европеецъ“ былъ запрещенъ, и вмѣстѣ съ закрытіемъ его безслѣдно пропали для насъ многія произведенія Боратынскаго, предполагавшаго помѣщать ихъ въ „Европеецъ“...

Съ грустью разставался Боратынскій осенью 1829 года съ И. В. Кирѣевскимъ: Кирѣевскій собирался въ заграничное путешествіе, а Боратынскій уѣзжалъ въ Мару, гдѣ и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ кругу родныхъ и сосѣдей, изрѣдка отрываемый отъ работы домашними заботами. Уѣзжалъ поэтъ въ деревню съ надеждою, что въ деревенскомъ уединеніи проснется его муза, и черезъ нѣкоторое время извѣщалъ Кирѣевскаго, что у него въ пяльцахъ новая „ультра-романтическая“ поэма, которую онъ пишетъ „очертя голову“. Деревенское уединеніе благотворно отозвалось на поэтѣ, и здѣсь, послѣ долгихъ размышленій, онъ окончательно и твердо увѣрился, „что въ свѣтѣ нѣтъ ничего дѣльнѣе поэзіи“. Боратынскій вообще часто задумывался все это и послѣдующее время надъ поэзіей и ея назначеніемъ, и, опредѣливъ поэзію, какъ „полное ощущеніе извѣстной минуты“, поэтъ смотрѣлъ на нее не какъ на „самолюбивое наслажденіе“, а какъ на

эстетическую силу, образующую и оправдывающую міръ съ его нестройными явленіями. Поэзія развѣртывала передъ нимъ „чудесный коврикъ-самолетъ“, на которомъ онъ улеталъ далеко прочь, за три-девять земель, отъ „бездушнѣйшей пыли“ повседневной дѣйствительности. Къ этому времени пребыванія поэта въ деревнѣ относятся такія стихотворенія, какъ „Муза“, „Подражателямъ“, „Чудный градъ“, въ которыхъ поэтъ опредѣляетъ свое дарованіе и касается вѣчныхъ вопросовъ о соотношеніи искусства и жизни. Поэтъ, постигнувъ таинства страданія, цѣною сердечныхъ судорогъ, покупаетъ выраженіе вышнихъ силъ; но въ міръ грезы художника врывается міръ дѣйствительности и грубо разрушаетъ высшую дѣйствительность созерцателя:

Чудный градъ порой сольется
Изъ румяныхъ облаковъ;
Но лишь вѣтръ его коснется, —
Онъ исчезнетъ безъ слѣдовъ!
Такъ мгновенныя созданья
Поэтической мечты
Исчезаютъ отъ дыханья
Посторонней суеты.

Зиму 1830-1831 Боратынскіе провели въ Москвѣ, въ которой въ это время свирѣпствовала холера. Москва замѣтно опустѣла, жизнь въ ней какъ-то замерла, и объ образѣ жизни Боратынскаго даетъ возможность судить его письмо къ князю П. А. Вяземскому, въ которомъ онъ говоритъ: „Все грозное время провелъ я въ Москвѣ, и хотя мнѣ не было весело, но въ то же время не такъ и тошно, какъ я ожидалъ. Мы заперлись въ своемъ домѣ, я никуда не выѣзжалъ и никого не принималъ“. Спокойное теченіе жизни Боратынскаго было нарушено безпокойствомъ о баронѣ Дельвигѣ: „Литературная Газета“ была запрещена, и Дельвигъ заболѣлъ отъ неприятностей и огорченія. 14 января 1831 года Дельвигъ умеръ, и смерть перваго друга произвела тяжелое впечатлѣніе на Боратынскаго, который, какъ писалъ Пушкинъ, былъ „боленъ съ огорченія“.

Въ январѣ 1831 года находились въ Москвѣ Пушкинъ, Языковъ и князь Вяземскій, и вмѣстѣ съ Боратынскимъ они справляли (27 января) тризну по Дельвигу, который былъ связующимъ звеномъ въ кружкѣ друзей-поэтовъ *).

XI.

Со смертью барона Дельвига, съ паденіемъ одного звена, разрывалась и сама цѣпь, и друзья-поэты, поглощаемые своими особыми интересами и семейной жизнью, начали удаляться одинъ отъ другого. Въ первыхъ числахъ іюля Боратынскій, какъ писалъ князь Вяземскій, „удралъ въ Казань съ Энгельгардтовскимъ семействомъ“, — точнѣе, въ Казанское имѣніе Л. Н. Энгельгардта — Каймары. Въ письмѣ къ Кирѣевскому Боратынскій описывалъ свои дорожныя впечатлѣнія: „Назову главное: скука. Россію можно проѣхать изъ конца въ конецъ, не увидавъ ничего отличнаго отъ того мѣста, изъ котораго выѣхалъ. Все плоско. Одна Волга меня порадовала и заставила меня вспомнить Языкова, о которомъ впрочемъ я и безъ того помнилъ... Ежели я ничего не замѣтилъ

*) Боратынскій писалъ записки о баронѣ Дельвигѣ, но эти записки, какъ и многое другое, повидимому, безслѣдно пропали.

дорогою, то многое обдумалъ. Путешествіе по нашей родинѣ тѣмъ хорошо, что не мѣшаетъ размышленію.

„Это путешествіе по безпредѣльному пространству, измѣряемому однимъ временемъ: за то и приноситъ плодъ свой, какъ время“.

Первый мѣсяцъ деревенскаго уединенія ушелъ на хозяйственныя хлопоты, на разговоры съ прикащиками и старостами, на переписку съ земскимъ судомъ (у Боратынскаго было тяжebное дѣло), и поэтъ не начиналъ творить, хотя и чувствовалъ наплывъ мыслей во время своихъ любимыхъ ежедневныхъ поѣздокъ верхомъ. „Воображеніе напряженно, мечты его живы, но своевольны, и лѣнивый умъ не можетъ ихъ привести въ порядокъ“. Скоро жизнь въ Каймарахъ наладилась, приобрѣла извѣстный ритмъ, и Боратынскій описывалъ свою жизнь въ имѣніи такими словами: „Скажу тебѣ вкратцѣ, что мы пьемъ чай, обѣдаемъ, ужинаемъ часомъ раньше, нежели въ Москвѣ. Вотъ тебѣ рама нашего существованія. Вставь въ нее прогулки, верховую ѣзду, разговоры; вставь въ нее то, чему нѣтъ имени: это общее чувство, этотъ итогъ всѣхъ нашихъ впечатлѣній, который заставляетъ проснуться весело, гулять весело, эту благодать семейнаго счастья, и ты получишь довольно вѣрное понятіе о моемъ бытѣ“.

Такая жизнь не могла не отозваться благопріятно на Боратынскомъ, уставшемъ отъ московской унылой зимы, монотонность которой была нарушена лишь смертью Дельвига. Но и къ этой смерти Боратынскій относится теперь не то что спокойнѣе, но примиреннѣе, и, вспоминая свой Элизей съ населяющими его милыми тѣнями, бодро восклицаетъ:

Тамъ живъ ты, Дельвигъ! тамъ за чашей
Еще со мною шутишь ты,
Поешь веселье дружбы нашей
И сердца юныя мечты.

Ровная и здоровая жизнь въ деревнѣ оказала также благотворное вліяніе и на музу поэта, который сталъ усиленно работать для „Европейца“.

Несмотря однако на счастливую деревенскую жизнь, дававшую досугъ размышленіямъ, раздумья Боратынскаго не всегда отличались бодрымъ тономъ, и онъ порой готовъ былъ отказаться отъ поэтическаго творчества, думая, что „время индивидуальной поэзіи прошло, другой не наступило“. Какъ бы подводя итогъ прошлому, поэтъ говоритъ:

... все проходитъ. Остываю
Я и къ гармоніи стиховъ —
И какъ дубровъ не окликаю,
Такъ не ищу созвучныхъ словъ.

Но эта грустная струна звучитъ пока еще обособленно и заглушается бодрими созвучіями другихъ многочисленныхъ стихотвореній этого года. Боратынскій „остываетъ къ гармоніи стиховъ“, вѣрнѣе, къ индивидуальной лирикѣ и начинаетъ искать новыхъ формъ творчества; онъ обращается и къ драмѣ, и къ роману, и къ критикѣ и, сознавая переходность момента не только въ своемъ творествѣ, но и во всей современной поэзіи, хочетъ „на время, и даже долгое время, перестать печатать“. Къ сожалѣнію, почти всѣ попытки въ новомъ родѣ такъ и остались ненапечатанными, и потому мы мало что знаемъ объ этихъ исканіяхъ Боратынскаго.

Въ декабрь 1831 года Боратынскіе переѣхали изъ деревни въ Казань, которая произвела хорошее впечатлѣніе на поэта: „Знаешь-ли — писалъ онъ Кирѣевскому, — что, по моему, провинціальный городъ оживленнѣе столичнаго. Говоря оживленнѣе, я не говорю — пріятнѣе; но здѣсь есть что-то, чего нѣтъ въ Москвѣ — дѣйствіе. Разговоры нѣкоторыхъ изъ нашихъ гостей были для меня очень занимательны. Всякій говоритъ о своихъ дѣлахъ или о дѣлахъ губерніи, бранить или хвалить. Всякій, сколько можно замѣтить, дѣятельно стремится къ положительной цѣли и оттого имѣетъ фізіономію. Не могу тебѣ развить всей моей мысли; скажу только, что въ губерніяхъ вовсе нѣтъ этого равнодушія ко всему, которое составляетъ характеръ большей части нашихъ московскихъ знакомцевъ. Въ губерніяхъ больше гражданственности, больше увлеченія, больше элементовъ политическихъ и поэтическихъ. Всмотрѣвшись внимательнѣе въ общество, я можетъ быть, напишу что-нибудь о немъ для твоего журнала; но я уже довольно видѣлъ, чтобы мѣстомъ дѣйствія русскаго романа всегда предпочесть губернскій городъ столичному“.

Въ этомъ губернскомъ городѣ Боратынскому, однако, приходилось мало заниматься творчествомъ, такъ какъ обязательные и необязательные визиты поглощали большую часть времени. Въ Казани получилъ Боратынскій первыя двѣ вышедшія книжки „Европейца“, доставившія ему большую радость. 3-я книжка „Европейца“ была запрещена, и это тяжело отозвалось какъ на Кирѣевскомъ, замолчавшемъ на долгіе годы, такъ и на Боратынскомъ, объ удрученномъ состояніи котораго можно судить по слѣдующему письму его къ своему другу: „Отъ запрещенія твоего журнала не могу опомниться.

„Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ дѣйствовалъ тайный, подлый и несправедливый доношникъ, но что въ этомъ утѣшительнаго? Гдѣ найти на него судъ? Что послѣ этого можно предпринять въ литературѣ? *Я вмѣстѣ съ тобой лишился сильнаго побужденія къ трудамъ словеснымъ.* Запрещеніе твоего журнала просто наводитъ на меня хандру, и судя по письму твоему, и на тебя навело меланхолію. Что дѣлать! *Будемъ мыслить въ молчаніи и оставимъ литературное поприще Полевымъ и Булгаринымъ.* Поблагодаримъ Провидѣніе за то, что оно насъ подружило, и что каждый изъ насъ нашелъ въ другомъ человѣка, его понимающаго, что есть еще нѣсколько людей намъ по уму и по сердцу. *Заклучимся въ своемъ кругу, какъ первые братья христіане, обладатели свѣта гонимаго въ свое время, а нынѣ торжествующаго.* Будемъ писать, не печатая. Можетъ быть, придетъ благопоспѣшное время.....”

Этого благопоспѣшнаго времени такъ и не дождался поэтъ, и ему начинало казаться, что „вѣкъ шестуется путемъ своимъ желѣзнымъ“, на которомъ нѣтъ мѣста поэзіи. По натурѣ своей склонный къ резигнаціи, Боратынскій приходитъ къ безотрадному выводу о судьбѣ, которой долженъ покориться невольникъ-человѣкъ, мечтающій о свободѣ. Поэтическій міръ представляется поэту необитаемымъ островомъ, и онъ углубляется въ себя, пишетъ только для себя, пишетъ немного, но старательно отшлифовывая каждый стихъ и заставляя въ тѣсныхъ рамкахъ короткаго стихотворенія рельефно выступать полную мысль — большей частью безотраднаго характера. Острый лучъ мысли — нагой мечъ — разрушаетъ то царство поэзіи, тотъ „чудный градъ“, которому онъ хотѣлъ даровать согласие, и поэтъ возстаетъ на разсудокъ, на „тьмы низкихъ истинъ“, при свѣтѣ которыхъ исчезли „поэзіи младенческіе сны“.

Въ іюль 1832 года мы застаемъ Боратынскаго въ Москвѣ, и съ конца этого года онъ начинаетъ работать надъ „полнымъ собраніемъ своихъ стихотвореній“: „кажется, оно въ самомъ дѣлѣ будетъ послѣднимъ, — писалъ поэтъ князю П. А. Вяземскому, — и я къ нему ничего не прибавлю. Время поэзіи индивидуальной прошло, другой еще не созрѣло“.

Въ 1832 году Боратынскій видѣлся съ Пушкинымъ, но собрать „всѣхъ ребятъ дружеской артели“ не удалось Боратынскому, и въ „своемъ кругу“ началъ поэтъ чувствовать себя одинокимъ и чужимъ.

Раздѣль Вяжли въ 1833 году вызвалъ поэта въ Мару, гдѣ онъ надѣялся найти досугъ, но здѣсь, въ деревнѣ, ему пришлось углубиться въ хозяйственныя хлопоты. „Я весь погрязъ въ хозяйственныхъ расчетахъ“ — пишетъ Боратынскій въ это время, и ему, какъ старшему въ семьѣ, дѣйствительно пришлось много заниматься хозяйствомъ, которое его настолько увлекало, что, по собственному признанію, онъ „ни разу не думалъ о литературѣ“.

Въ сентябрѣ Боратынскій случайно оказался въ Казани въ то время, когда проѣзжалъ черезъ Казань Пушкинъ, собиравшій матеріалы для исторіи Пугачевского бунта, и поэты провели вмѣстѣ три дня: это было ихъ послѣднимъ продолжительнымъ свиданіемъ, и только въ 1836 году мимолетно встрѣтился Боратынскій съ Пушкинымъ. Встрѣча поэтовъ въ Казани была конечно радостной, но разница въ ихъ міровоззрѣніи и путяхъ жизни еще рѣзче обозначилась. Вскорѣ Пушкинъ оказался въ своей деревнѣ Болдинѣ, Боратынскій — въ своей родной Марѣ, и въ то время, какъ первый отдался всецѣло творчеству, второй лишь изрѣдка прикасался къ лирѣ, весь поглощенный хозяйственными дѣлами. Впрочемъ, было много и общаго въ тѣхъ желаніяхъ, которыми были полны сердца друзей въ ихъ деревенской тиши: Болдинская глушь внушила Пушкину желаніе „плюнуть на Петербургъ, да подать въ отставку, да удрать въ Болдино“, а Боратынскій мечталъ устроить себѣ

Приютъ отъ свѣтскихъ посѣщеній
Надежной дверью запертой,
Но съ благодарною душой
Открытый дружеству и дѣвамъ вдохновеній.

ХІІ.

Скитанія начали утомлять Боратынскаго, и онъ сталъ устраивать свою жизнь болѣе осѣдло въ Москвѣ и въ своей подмосковной — Петровскомъ. Съ этой дѣлью поэтъ въ 1835 году купилъ себѣ въ Москвѣ домъ у княжны Шаховской (на Арбатѣ) и сталъ въ немъ устраиваться.

Зиму 1836 и 1837 гг. Боратынскій прожилъ почти безвыѣздно въ Москвѣ, и послѣдняя зима была въ особенности тяжела поэту: 4-го ноября 1836 года умеръ его тестъ, Л. Н. Энгельгардтъ, котораго поэтъ искренно уважалъ и любилъ, и опечаленные Боратынскіе отказались не только отъ всякихъ развлеченій и свѣтскихъ удовольствій, но и закрыли свои литературные понедѣльники.

Тяжело начинался и новый, 1837 годъ, отнявшій у Россіи Пушкина. Смерть Пушкина глубоко поразила и потрясла Боратынскаго, и свои впечатлѣнія отъ этой смерти онъ передалъ въ слѣдующемъ письмѣ къ князю П. А. Вяземскому: „Пишу къ вамъ подъ громовымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ во мнѣ, и не во мнѣ одномъ, ужасною вѣстью о гибели Пушкина. Какъ русскій, какъ товарищъ, какъ семьянинъ, скорблю и негодую; мы лишились таланта первостепеннаго, можетъ быть, еще не достигшаго своего полного развитія, который совершилъ бы непредвидѣнное, если бы разрѣшились сѣти, разставленныя ему обстоятельствами, если бы въ послѣдней, отчаянной его схваткѣ съ

ними судьба преклонила вѣсы свои въ его пользу. Не могу выразить, что я чувствую; знаю только, что я потрясенъ глубоко и со слезами, ропотомъ, недоумѣніемъ безпрестанно себя спрашиваю: зачѣмъ это такъ, а не иначе? Естественно ли, что великій человѣкъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ, погибъ на поединкѣ, какъ неосторожный мальчикъ? Сколько тутъ вины его собственной, чужой, несчастнаго предопредѣленія? Въ какой внезапной неблагоклонности къ возникающему голосу Россіи Провидѣніе отвело око свое отъ поэта, давно составлявшаго ея славу и еще бывшаго (что бы ни говорили злоба и зависть) ея великою надеждой?....”

Смерть Пушкина застала Боратынскаго надъ созданіемъ „Осени“, и ея заключительная строфа свидѣтельствуесть о томъ безнадежно-мрачномъ состояніи, которое овладѣло душой поэта въ это время:

Зима идетъ, и тощая земля
Въ широкихъ лысинахъ безсилья,
И радостно блиставшія поля
Златыми класами обилья:
Со смертью жизнь, богатство съ нищетою,
Всѣ образы години бывшей,
Сравняются подъ снѣжной пеленою,
Однообразно ихъ покрывшей:
*Передъ тобой таковъ отнынѣ свѣтъ;
Но въ немъ тебѣ грядущей жатвы нѣтъ.*

Съ Пушкинымъ хоронилъ Боратынскій послѣдняго друга лучшей поры жизни, и смерть Пушкина дала Боратынскому почувствовать все его духовное одиночество въ литературной Москвѣ, въ которой уже кипѣла новая жизнь, по самому существу своему чуждая и враждебная поэту. Больно задѣвали самолюбіе поэта неодобрительные отзывы о немъ Бѣлинскаго и критиковъ, вторившихъ Бѣлинскому, и Боратынскому казалось, что въ Москвѣ образовалась цѣлая организованная „коттерія“, имѣвшая цѣлью разрушеніе истинной поэзіи. Тѣмъ тяжелѣе было Боратынскому, что съ И. В. Кирѣевскимъ онъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, разошелся, и некому было принять участіе въ его душевной жизни. Обрѣтая высокій свѣтъ „въ нѣмотствующей пустынѣ“, наединѣ бесѣдовалъ поэтъ со своенравной струей Аи:

Мой восторгъ неосторожный
Не обидитъ никого;
Не откроетъ дружбѣ ложной
Таинъ счастья моего;
Не смутитъ глупцовъ ревнивыхъ
И торжественныхъ невѣждъ
Изліяньемъ горделивыхъ
Иль святыхъ моихъ надеждъ!

Москва угнетала Боратынскаго, и онъ большею частью жилъ въ своей подмосковной — въ Петровскомъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя свободнѣе и лучше въ кругу семьи — среди подростающихъ дѣтей. Для нихъ Боратынскій самъ выбиралъ гувернеровъ и учителей и старался давать имъ воспитаніе и образованіе согласно съ ихъ наклонностями.

Большою радостью для поэта было, когда въ его старшихъ дѣтяхъ обнаружилась несомнѣнная способность: въ Александрѣ Евгеніевнѣ способность къ рисованію и къ музыкѣ, а въ Львѣ Евгеніевичѣ — поэтическое дарованіе, которое привѣтствовалъ поэтъ-отецъ стихотвореніемъ:

Здравствуй, отрокъ сладкогласной!

„Жизнь въ Петровскомъ прекрасна“ — писалъ Боратынскій матери, и радостно возвращался онъ въ свой домашній уютъ послѣ частыхъ поѣздокъ въ Москву, гдѣ строился у него домъ въ 1837-1838 гг. Въ это же время Боратынскій началъ мечтать о жизни въ Петербургѣ, куда его звали петербургскіе друзья, и о поѣздкѣ за-границу, которая тогда еще не могла осуществиться.

XIII.

Со временемъ написанія „Осени“ и со смертью Пушкина совпалъ наиболее острый моментъ душевной борьбы поэта, который въ теченіе всей жизни привыкъ довѣрять разуму и повѣрять имъ свое чувство. Въ 30-хъ годахъ эта борьба разума и чувства рѣзко обозначилась, и поэтъ часто сомнѣвался въ своемъ кумирѣ; въ то же время онъ сталъ чувствовать недостаточность эстетическаго и этическаго оправданія міра и все чаще и чаще обращался мыслью къ религіознымъ вопросамъ. „Чудный градъ“ поэтическаго міра разрушался подъ острымъ лучемъ мысли, детерминизмъ не удовлетворялъ идеалистически настроеннаго поэта, и въ „Осени“ намѣчался уже новый путь религіознаго просвѣтленія и оправданія жизни:

... отряхнувъ видѣнія земли
Порывомъ скорби животворной,
Ея предѣлъ завидя невдали,
Вдругъ умиленной, вдругъ покорной,
Возмездій край, благовѣстящимъ снамъ
Довѣрять чувствомъ обновленнымъ
И бытія мятежнымъ голосамъ,
Всесильнымъ гласомъ примиреннымъ,
Внимающей въ весельи и тиши
Лучамъ небесъ раскрывшейся души.
Предъ Промысломъ оправданнымъ ты ницъ
Падешь съ признательнымъ смиреньемъ,
Съ надеждою, не видящей границъ,
И утоленнымъ разумѣньемъ...

Но еще не пришло то время, когда поэтъ смиренно склонился передъ Промысломъ. Въ эти спокойные годы деревенскаго досуга онъ подвергъ переоцѣнкѣ все цѣнности жизни, въ особенности, самыя высшія изъ нихъ — искусство и мысль о цѣлесообразности бытія; и порой ему казалось, что „жизнь для волненія дана“, „жизнь и волненіе одно“, и что мы сами вымышляемъ себѣ заботы — „общія смуты“ или „миру, палитру, рѣзецъ“ любовь къ которымъ, быть можетъ, лишь „смѣшной недугъ“...

Но быть можетъ въ горнемъ клирѣ голосъ поэта будетъ звученъ, быть можетъ пѣснопѣвца жаръ окажется не смѣшнымъ недугомъ, а высшимъ даромъ; можетъ быть, жизнь и ея явленія оправдываются вѣчною созидающею, высшею волею Творца?

И въ началѣ 40-хъ годовъ начинаютъ разрѣшаться эти сомнѣнья Боратынскаго, и въ религіи находятъ онъ наконецъ примиреніе „мятежнымъ голосамъ бытія“.

Въ 1841 году, сравнивая современнаго духовнаго бойца съ кипящимъ древнимъ Ахилломъ, поэтъ говоритъ новому Ахиллу:

... одной пятой своею
Невредимъ ты, если ею
На живую вѣру сталъ.

Религіозное смиреніе предъ оправданнымъ Промысломъ охватило Боратынскаго въ концѣ его жизни, когда онъ писалъ „Молитву“:

Царь небесъ! успокой
Духъ болѣзненный мой!
Заблужденій земли
Мнѣ забвенья пошли —
И на строгій твой рай
Силы сердцу подай!

Но Боратынскій вообще не былъ чуждъ религіозныхъ исканій. „Уже здѣсь онъ цѣнилъ только небесное счастье. Его религіозныя вѣрованія отличались такой силой глубокаго убѣжденія, что смерть представлялась ему лишенной своего зловѣщаго образа. Въ особенности послѣдніе годы онъ стремился къ тому, чтобы я такъ же вѣровала, какъ онъ, и когда я его просила не затрагивать этого вопроса, онъ весело отвѣчалъ, что надѣется разсѣять мое непріязненное отношеніе и убѣдить меня въ невозможности разлуки двухъ любящихъ существъ; и, повѣрите-ли Вы, въ то страшное мгновеніе, когда я не могла сомнѣваться въ его смерти, я почувствовала откровеніе, какъ бы охватившее меня, и то, что до тѣхъ поръ казалось мнѣ сомнительнымъ, превратилось въ увѣренность“... Такъ писала его жена, Н. Л. Боратынская, къ графинѣ де Фонтанъ, вскорѣ послѣ его смерти.

XIV.

Въ январѣ 1840 года Боратынскій уѣхалъ въ Петербургъ, въ которомъ не былъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ. Онъ прожилъ тамъ немного больше двухъ мѣсяцевъ, и они оставили въ Боратынскомъ самыя лучшія воспоминанія и вызвали въ немъ желаніе основаться навсегда въ Петербургъ, гдѣ его такъ радушно приняли старые друзья и знакомые, и гдѣ ему ничто не напоминало Москвы. Москву въ это время поэтъ особенно ненавидѣлъ за недоброжелательное отношеніе къ себѣ московскихъ литераторовъ. И онъ мстилъ имъ эпиграммой:

На все свой ходъ, на все свои законы.
Межъ люлькою и гробомъ спитъ Москва;

Но и до ней глухой дошла молва,
Что скученъ вистъ, и веселѣи салоны
Отборные, гдѣ есть уму просторъ,
Гдѣ властвуетъ не вистъ, а разговоръ.
И погналась за модой новосвѣтской,
Но погналась старуха не путемъ:
Салоны есть, — но этотъ смотритъ дѣтской,
А тотъ, увы! — глядитъ гошпиталемъ.

Совсѣмъ обратное впечатлѣніе произвели на Боратынскаго салоны Петербургскіе и прежде всего салонъ Карамзиныхъ, гдѣ онъ встрѣчался съ представителями литературнаго и аристократическаго міра и между прочимъ подружился съ Софьей Николаевной Карамзиной. Часто бывалъ Боратынскій также у князя Одоевскаго и познакомился въ его гостиной съ Лермонтовымъ, который произвелъ на него непріятное впечатлѣніе: „Познакомился съ Лермонтовымъ, — писалъ поэтъ своей женѣ, — который прочелъ прекрасную новую пьесу; человекъ, безъ сомнѣнія, съ большимъ талантомъ, но мнѣ морально не понравился. Что-то не радушное, Московское“... Боратынскій былъ оживленъ и любезенъ въ салонахъ Карамзиныхъ и Одоевскихъ, но истинную сердечную отраду находилъ онъ въ обществѣ своего свояка и друга Н. В. Путята *), В. А. Жуковскаго, князя П. А. Вяземскаго и П. А. Плетнева. Съ Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ Боратынскій много бесѣдовалъ о Пушкинѣ, разбирался въ бумагахъ поэта, и мы читаемъ въ его письмѣ къ женѣ: „... былъ у Жуковскаго. Провелъ у него часа три, разбирая ненапечатанныя новыя стихотворенія Пушкина. Есть красоты удивительной, вовсе новыхъ и духомъ, и формою. Всѣ послѣднія пьесы его отличаются — чѣмъ бы ты думала? — силою и глубиною! Онъ только что созрѣвалъ. *Что мы сдѣлали, Россіяне, и кого погребли!* Слова Феофана на погребеніе Петра Великаго. У меня нѣсколько разъ наворачивались слезы художческаго энтузіазма и горькаго сожалѣнія“... Боратынскій возобновилъ знакомство и со вдовой Пушкина и отзывался о ней, что она „все также прелестна и много выиграла отъ привычки къ свѣту; говорить ни умно, ни глупо, но свободно“.

Каждая минута поэта въ Петербургѣ была занята, и онъ едва успѣвалъ ѣздить, — то къ брату Ираклію Абрамовичу (женатому на блестящей княжнѣ Абамелекѣ), то къ Одоевскимъ, къ Карамзинымъ, къ Лазаревымъ, къ Жуковскому, къ Вязмитиновымъ, въ театры, на концерты и пр. и пр. Не пропустилъ поэтъ случая посѣтить и Академію Художествъ; и въ то время, какъ похвалы Брюлову не знали никакихъ предѣловъ, такъ передавалъ онъ Н. Л. Боратынской свое трезвое впечатлѣніе объ его картинѣ: „Въ субботу былъ въ Академіи Художествъ и видѣлъ Послѣдній день Помпей Брюлова. Все прежнее искусство блѣднѣетъ передъ этимъ произведеніемъ, но одно искусство, а не сущность живописи. Колоритъ, перспектива, округлость тѣлъ, фигуры, выходящія какъ будто вонъ изъ полотна, — все это выше всякаго описанія; но думаю, что изучающій Рафаеля, Микель-Анджело, Тиціано найдетъ въ нихъ больше мысли, больше красоты. На лицахъ Брюлова однообразное выраженіе ужаса, и нѣтъ ни одной фигуры идеально прекрасной. Былъ также въ его мастерской. Видѣлъ прекрасный портретъ Жуковскаго, Крылова и нѣсколько начатыхъ картинъ“.

*) Н. В. Путята былъ женатъ на Софіи Львовнѣ Энгельгардтъ, родной сестрѣ жены Боратынскаго.

Большое впечатлѣніе произвела на Боратынскаго также балерина Тальони, но болѣе всего живило и бодрило поэта то „благорасположеніе всего здѣшняго общества“, которое онъ чувствовалъ въ Петербургѣ. Хоть онъ и уставалъ отъ безпрестаннаго разсѣянія и разныхъ мытарствъ, но тѣмъ не менѣе говорилъ, что Петербургъ „пріятенъ отсутствіемъ непріятныхъ впечатлѣній“, и что онъ „съ восторгомъ промѣнялъ бы на него Москву“.

XV.

Возвращаясь весной въ Москву, Боратынскій ѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ устроить всѣ свои хозяйственныя дѣла такъ, чтобы прочно обосноваться въ Петербургѣ и наѣзжать въ деревню для отдыха и творчества, которому онъ хотѣлъ всецѣло отдаться. Періодъ жизни поэта за 1840-1843 гг. характеризуется кипучею хозяйственною дѣятельностью: поэтъ строилъ домъ въ Мурановѣ (имѣнье по дорогѣ въ Троице-Сергіевскую лавру), занимался хозяйственными расчетами въ Марѣ, Каймарахъ, Атамышѣ и признавался матери: „въ этотъ моментъ я далекъ отъ поэтического вдохновенія“.

Дѣйствительно, поэтическихъ произведеній Боратынскаго за этотъ періодъ почти не появлялось, но поэтъ всетаки не забросилъ творчества: въ 1842 году выпустилъ онъ сборникъ „Сумерки“ — или какъ прежде предполагалъ назвать его — „Сны зимней ночи“, и былъ увѣренъ, что закатъ его творчества еще не скоро наступитъ, что послѣ сновъ зимней ночи забрежитъ утро новой, обновленной весны...

Поглощенный хозяйственными дѣлами, поэтъ писалъ своей матери въ 1842 году: „я привѣтствую издалека время, когда постройка моя будетъ закончена, когда у меня будетъ меньше заботъ положительныхъ (быть можетъ отсутствіе воображаемаго отдыха), время, которое прельщаетъ меня тѣмъ, что я снова вернусь къ моимъ прошлымъ занятіямъ. Вы думаете, что я надолго поселился въ деревнѣ: моя большая дѣятельность въ концѣ концовъ ничто иное, какъ потребность мира и душевнаго покоя“.

Въ 1841 году поэтъ началъ строить домъ въ Мурановѣ и на это время поселился въ сельцѣ Артемьевѣ, въ 3 верстахъ отъ Муранова.

Боратынскіе жили въ совершенномъ одиночествѣ и наслаждались спокойнымъ домашнимъ счастьемъ: „Подмосковная зимой — читаемъ мы въ письмахъ поэта — убѣжище мира болѣе глубокаго и болѣе полной тишины, чѣмъ деревни внутренней Россіи... Нашъ домъ сейчасъ имѣетъ видъ маленькаго университета. У насъ пять иностранцевъ, между которыми случай доставилъ намъ и прекраснаго преподавателя рисованія. Наша жизнь мало разорительна, и выгоды, которыя мы надѣемся извлечь изъ эксплуатаціи лѣса, позволяютъ намъ сдѣлать много для образованія дѣтей; въ ожиданіи же они и ихъ учителя оживляютъ наше одиночество“...

Въ 1842 году Боратынскому часто приходилось бывать въ Москвѣ; эти поѣздки были для него непріятны, такъ какъ отрывали его отъ деревенскихъ мирныхъ занятій и сталкивали съ враждебными ему литераторами. Тщетно успокаивали раздраженнаго поэта его друзья и близкіе ему люди. Въ письмѣ къ С. Л. Путята поэтъ благодаритъ ее за стараніе его ободрить и разсѣять болѣзненные сны его воображенія, которые однакожь оказались не вовсе снами. „Наши предположенія нынѣ странно оправдываются — писалъ Боратынскій. Теперь уже не мы одни подозрѣваемъ существованіе организованной коттеріи. На нее вопять въ Москвѣ новыя ея жертвы“. И тѣ немногія стихотворенія, которыя сохранились отъ этой поры, говорятъ о глубокомъ раздраженіи поэта противъ „глупцовъ“, изрывшихъ подъ нимъ „сокрытый ровъ“.

Осенью 1842 года Боратынскому доставило большую радость развлечение — садить молодую рощу, и посѣвъ лѣса внушилъ ему стихотвореніе, въ которомъ онъ прощается съ лирой и отвергаетъ струны звучащія одиноко и ненужно въ желѣзномъ вѣкѣ:

Летѣлъ душой я къ новымъ племенамъ,
Любилъ, ласкалъ ихъ пустоцвѣтный колосъ:
Я дни извелъ, стучась къ людскимъ сердцамъ,
Всѣхъ чувствъ благихъ я подавалъ имъ голосъ.
Отвѣта нѣтъ! Отвергнулъ струны я...

„но не мечту“ — прибавляетъ поэтъ въ черновикѣ; и въ то же время, идя на встрѣчу „второй молодости“, Боратынскій пишетъ нѣсколько стихотвореній, которыя не носятъ такого безотраднaго характера, какъ его обращеніе къ молодой рощѣ.

XVI.

Осенью 1843 года Боратынскому наконецъ удалось осуществить свое давнишнее желаніе побывать въ чужихъ краяхъ, и около середины сентября поэтъ съ женою и старшими дѣтьми выѣхалъ изъ Петербурга, оставивъ младшихъ дѣтей на попеченіи дружественнаго и родственнаго ему семейства Н. В. Путяты. Боратынскіе ѣхали въ дилижансѣ, и первыми ихъ остановками были Кенигсбергъ и Берлинъ. Въ Берлинѣ они пробыли восемь дней, и свое впечатлѣніе отъ Берлина поэтъ передалъ въ слѣдующемъ письмѣ къ матери: „Берлинъ прекрасный городъ, менѣе красивый, чѣмъ Петербургъ, но расположенный болѣе правильно. Жизнь въ немъ размѣрена до послѣдней степени. Всѣ отношенія частныя опрелѣлены: коммерческія — неизмѣнными таксами, общественныя — ненарушимыми обычаями. Гражданинъ, безъ всякаго раздумья, подчиняется той же дисциплинѣ, что и солдатъ. Черезъ нѣсколько дней входишь въ жизнь города и живешь въ полной увѣренности безопасности, которая основана на отсутствіи неожиданностей“. Изъ Берлина Боратынскіе поѣхали въ Лейпцигъ и оттуда по желѣзной дорогѣ въ Дрезденъ. Въ знаменитой Дрезденской галлерей Боратынскій стоялъ передъ Мадонной Рафаэля и передъ Христомъ Тиціана: „Мадонна Рафаэля, писалъ онъ, — торжество идеи Христіанства и никогда не перестанетъ вызывать восхищенія. Лучше о ней не говорить, а предоставлять народамъ приходить одному за другимъ для поклоненія этому божественному chef d'oeuvre. Невозможно также не назвать творенія менѣе торжествующаго, но можетъ быть столь же великаго въ своей высшей печали: это Христосъ, называемый съ монетой, Тиціана“.

Изъ Дрездена поэтъ съ семействомъ направился въ Парижъ черезъ Лейпцигъ, Франкфуртъ, Майнцъ, Кельнъ и Брюссель, и это долгое путешествіе (по желѣзной дорогѣ ѣхали Боратынскіе только между Лейпцигомъ и Дрезденомъ и отъ Кельна) очень оживило его. „Я очень наслаждаюсь путешествіемъ — писалъ онъ Н. В. Путятѣ — и быстрой смѣной впечатлѣній. Желѣзныя дороги чудная вещь: это апоѳеоза разсѣянія. Когда онѣ обогнутъ всю землю, на свѣтѣ не будетъ меланхоліи“.

Бодрое, приподнятое настроеніе духа не покинуло поэта и въ Парижѣ.

Въ Парижъ Боратынскій пріѣхалъ въ концѣ ноября и провелъ тамъ всю зиму. Благодаря рекомендательнымъ письмамъ друзей, онъ перезнакомился со многими изъ литературной и аристократической знати Парижа: съ Сиркурами, съ Нодье, съ обоими

Тъери, Альфредомъ де-Виньи, Меримэ, Ламартиномъ, M-me d'Aguesseu, M-me de Fontanes, и другими; поддерживалъ отношенія Боратынскій также и съ русскими знакомыми *). Благодаря такимъ обширнымъ и разнообразнымъ кругамъ знакомствъ поэтъ имѣлъ возможность со всѣхъ сторонъ узнать Парижъ и не успѣвалъ писать домой о своихъ впечатлѣнιάхъ, которыя мѣнялись съ каждымъ днемъ, и Боратынскій боялся сдѣлаться „совершеннымъ зѣвакой“.

По просьбѣ Сиркуровъ, Боратынскій перевелъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотворенія на французскій языкъ, но, несмотря на усиленные просьбы писателей, весьма заинтересовавшихся русскимъ поэтомъ, рѣшительно воспротивился ихъ напечатанію.

Завязались въ Парижѣ и близкія отношенія, какъ напримѣръ съ семействомъ M-me de Fontanes, а съ нѣкоторыми парижскими знакомыми жена Боратынскаго и послѣ смерти поэта поддерживала дружественныя связи.

Уѣзжая изъ Парижа, поэтъ писалъ: „Мы ѣдемъ изъ Парижа съ впечатлѣнιάми самыми пріятными. Наши здѣшніе знакомые показали намъ столько благовоительности, столько дружбы, что *залечили старыя раны*... Есть лица въ Парижѣ, которыя мы покидаемъ даже съ грустію. Путешественникъ долженъ быть путешественникомъ: ему не слѣдуетъ нигдѣ заживаться, если хочетъ въ самомъ дѣлѣ пользоваться своимъ мизантропическимъ счастіемъ“. Но несмотря на то, что „хорошо заграницей“, Боратынскаго тянуло домой, и часто возвращался онъ мыслью къ оставленной имъ Россіи. Посылая поздравленіе Н. В. Путятѣ къ 1 января 1844 года, Боратынскій сравнивалъ Россію съ Европой и говорилъ: „Поздравляю васъ, любезные друзья, съ новымъ годомъ, обнимаю

*) Въ Парижѣ Боратынскій сошелся со многими русскими эмигрантами и въ особенности съ Н. П. Огаревымъ. „Въ Парижѣ мы сблизились съ нимъ и полюбили его всею душой, писалъ Огаревъ о Боратынскомъ: онъ имѣлъ много плановъ и умеръ, завѣщая намъ привести ихъ въ исполненіе“. Огаревъ посвятилъ слѣдующее стихотвореніе „Памяти Е. А. Боратынскаго“:

Въ его груди любила и томилась
Прекрасная душа
И ко всему прекрасному стремилась,
Поэзіей дыша;
Святой огонь подъ холодной сѣдиною
Онъ гордо уберегъ,
Не оскудѣлъ, хоть и страдалъ душою
Средь жизненныхъ тревогъ;
На жизнь смотрѣлъ хоть грустно онъ, но смѣло
И все впередъ спѣшилъ;
Онъ жаждалъ дѣлъ, онъ насъ сзывалъ на дѣло
И вѣрилъ въ Бога силъ!
О, сколько разъ съ горячимъ рукожатьемъ,
Съ слезою на глазахъ,
Онъ намъ твердилъ: впередъ, младые братья,
Предъ истиной все прахъ!
О, сколько разъ онъ, старецъ вѣчно юный,
Нашъ кругъ одушевлялъ,
Дрожали въ насъ души живыя струны,
Согласный хоръ звучалъ,
И дружно мы, напѣя наши чаши,
Ихъ осушали вновь
За все, что есть святаго въ жизни нашей,
За правду, за любовь;
Онъ избралъ насъ, и старецъ, умирая,
Друзья, намъ завѣщалъ,
Чтобы по немъ, какъ тризну совершая,
Въ борьбѣ нашъ духъ мужалъ.

васъ, вашихъ и нашихъ ребяташекъ; желаю вамъ его лучше Парижскаго, который ни что иное, какъ привидѣніе прошлаго, въ морщинахъ и праздничномъ платьѣ *). Поздравляю васъ съ будущимъ, ибо у насъ его больше, чѣмъ гдѣ-либо; поздравляю васъ съ нашими степенями, ибо это просторъ, который ничѣмъ не замѣнитъ здѣшняя наука; поздравляю васъ съ нашей зимой, ибо она бодрѣе и блистательнѣе и краснорѣчіемъ мороза зоветъ насъ къ движенію лучше здѣшнихъ ораторовъ; поздравляю васъ съ тѣмъ, что мы въ самомъ дѣлѣ моложе 12-ю днями другихъ народовъ и посему переживемъ ихъ, можетъ быть, 12-ю столѣтьями“. А изъ Марсея Боратынскій писалъ своей матери: „Я вернусь въ мою родину исцѣленнымъ отъ многихъ предубѣжденій и съ полной снисходительностью къ нѣкоторымъ нашимъ истиннымъ недостаткамъ, которые мы часто съ удовольствіемъ преувеличиваемъ“.

Съ наступленіемъ весны Боратынскій собрался ѣхать изъ Парижа въ Неаполь, Римъ и Флоренцію и въ апрѣлѣ 1844 года двинулся на Марсель, несмотря на предостереженія парижскихъ врачей, которые опасались неблагоприятнаго вліянія итальянской жары на здоровье поэта, страдавшаго лихорадками и головными болями. Послѣ пятидневнаго путешествія по „веселой и живописной странѣ“, поэтъ пріѣхалъ въ Марсель и сѣлъ на пароходъ, который шелъ въ Неаполь (о Неаполѣ поэтъ мечталъ съ дѣтства). „Наше трехдневное мореплаваніе — пишетъ поэтъ — останется мнѣ однимъ изъ моихъ пріятнѣйшихъ воспоминаній. Морская болѣзнь меня миновала. Въ досугѣ здоровья я не сходилъ съ палубы, глядѣлъ днемъ и ночью на волны. Не было бури, но какъ это называли наши французскіе матросы, *très gros temps*, слѣдственно, живопись безъ опасности... На кораблѣ, ночью, я написалъ нѣсколько стиховъ...“ Въ этихъ стихахъ поэтъ говорилъ:

Много земель я оставилъ за мною;
Вынесъ я много смятенной душою
Радостей ложныхъ, истинныхъ золь;
*Много мятежныхъ рѣшилъ я вопросовъ
Прежде, чѣмъ руки Марсельскихъ матросовъ
Подняли якорь, надежды символъ!*
.....
Нужды нѣтъ, близко-ль, далеко-ль до брега!
Въ сердцѣ къ нему приготовлена нѣга.
Вижу Оетиду: мнѣ жребіиі благой
Емлетъ она изъ лазоревой урны:
Завтра увижу я башни Ливурны,
Завтра увижу Элизіи земной.

Съ надеждою на душевное обновленіе подѣзжалъ Боратынскій къ Неаполю, и Оетида вынимала ему какъ будто „благой жребіиі“. Радостно пріѣхавъ поэтъ земной Элизіи и черезъ двѣ недѣли по пріѣздѣ писалъ Н. В. Путятѣ: „Пятнадцать дней, какъ мы въ Неаполѣ, а кажется, живемъ такъ давно отъ полноты однообразныхъ и вѣчно новыхъ впечатлѣній. Въ три дня, какъ на крыльяхъ, перенеслись мы изъ сложной общественной жизни Европы въ роскошно-вегетативную жизнь Италіи, Италіи, которую за всѣ ея

*) Слѣдуетъ помнить, что это письмо написано спустя лишь мѣсяцъ послѣ прибытія въ Парижъ, о которомъ всякій день мнѣніе поэта мѣнялось.

заслуги должно бы на картѣ изображать особой частью свѣта, ибо она въ самомъ дѣлѣ ни Африка, ни Азія, ни Европа.... Вотъ Неаполь! Я встаю рано. Спѣшу открыть окно и упиваюсь живительнымъ воздухомъ. Мы поселились въ Villa Reale, надъ заливомъ, между двухъ садовъ. Вы знаете, что Італія не богата деревьями; но гдѣ они есть, тамъ они чудно прекрасны. Какъ наши сѣверные лѣса въ своей романтической красотѣ, въ своихъ задумчивыхъ зыбяхъ выражаютъ всѣ оттѣнки меланхоліи, такъ ярко-зеленый, рѣзко отдѣляющійся листъ здѣшнихъ деревьевъ живописуетъ всѣ степени счастья. Вотъ проснулся городъ: на ослѣ, въ свѣжей зелени итальянскаго сѣна, испещреннаго малиновыми цвѣтами, шажкомъ ѣдетъ Неаполитанецъ полуголый, но въ красной шапкѣ: это не всадникъ, а блаженный. Лицо его весело и гордо. Онъ вѣруетъ въ свое солнце, которое никогда не оставитъ его безъ призрачія. Каждый день два раза, утромъ и вечеромъ, мы ходимъ на чудный заливъ, глядимъ и не наглядимся. На бульварѣ Chiaji, котораго подражаніе мы видимъ въ нашемъ Московскомъ, нѣсколько статуй, которыя освѣщаетъ для насъ то итальянская луна, то итальянское солнце. Понимаю художниковъ, которымъ нужна Італія. Это освѣщеніе, которое безъ рѣзкости лампы выдаетъ всѣ оттѣнки, весь рисунокъ человѣческаго образа, во всей точности и мягкости, мечтаемой Артистомъ, находится только здѣсь, подъ этимъ дивнымъ небомъ. Здѣсь, только здѣсь, можетъ образоваться и рисовальщикъ и живописецъ. Мы осмотрѣли нѣкоторыя изъ здѣшнихъ окрестностей. Видѣли, что можно видѣть въ Геркуланумѣ; были въ Пуццоли, видѣли храмъ Серапійскій; но что здѣсь упоительно, это то внутреннее существованіе, которое даруетъ небо и воздухъ. Если небо, подъ которымъ Филемонъ и Бавкида превратились въ деревья, не уступаетъ здѣшнему, Юпитеръ былъ щедро-благъ, а они присно-блаженны“.

Въ первый разъ Боратынскій чувствовалъ истинную радость бытія и каждый день, по его словамъ, наслаждался „однимъ и тѣмъ же и всегда съ новымъ упоеніемъ“.

Иначе начинаетъ звучать теперь и лира Боратынскаго, и бодростью проникнуто его послѣднее посланіе къ своему „Дядкѣ-Итальянцу“, который нѣкогда училъ его любить и понимать Італію.

Одинаково сильное впечатлѣніе производили на поэта и произведенія искусства, и природа, и даже простые приходскіе праздники съ фейерверками. Онъ писалъ Н. В. Путятѣ: „веселый нравъ неаполитанцевъ, ихъ необыкновенная живость, безпрестанныя катанья, процессіи, приходскіе праздники съ фейерверками, — все это такъ ярморочно, такъ безусловно весело, что нельзя не увлечься, не отдаться дѣтски преглупому и пресчастливому разсѣянію. Мнѣ эта жизнь отмѣнно по сердцу: гуляемъ, купаемся, потѣемъ и ни о чемъ не думаемъ, по крайней мѣрѣ, не останавливаемся долго на одной мысли: это не въ здѣшнемъ климатѣ“.

„Мы ведемъ въ Неаполѣ самую сладкую жизнь. Мы уже видѣли всѣ здѣшнія чудесныя окрестности: Пуццоли, Баію, Кастеламаре, Соренту, Амальфи, Салерну, Пестумъ, Геркуланумъ, Помпейю. Теперь недѣля наша проходитъ для дѣтей въ урокахъ, а каждое воскресенье мы дѣлаемъ *une partie de plaisir*, осматриваемъ здѣшнія церкви, дворцы и замки — или просто ѣдемъ за городъ въ какую-нибудь деревню“.

Письмо это было послѣднимъ въ жизни Боратынскаго. Недолго пришлось ему вести „сладкую жизнь“ и отдаваться „дѣтски преглупому и пресчастливому разсѣянью“. Якорь, поднятый руками Марсельскихъ матросовъ, сталъ для русской поэзіи символомъ не оправдавшейся надежды новой творческой жизни Боратынскаго.

28 іюня (старого стиля) съ Настасьей Львовной сдѣлался сильный нервный припадокъ. Болѣзнь жены такъ взволновала Евгенія Абрамовича, что онъ также слегъ въ постель. Къ утру 29-го іюня Боратынскій почувствовалъ себя гораздо хуже: усилились головная

боль и стѣсненія въ груди, и приглашенный докторъ не засталъ его въ живыхъ: „сонъ нѣги сладостный“ слился „съ послѣднимъ, вѣчнымъ сномъ“ поэта.

Тѣло поэта было заключено въ кипарисовый гробъ и перевезено моремъ въ Петербургъ. 30 августа 1845 года состоялись похороны Боратынскаго въ Александро-Невской лаврѣ.

Могила его находится недалеко отъ могилъ Крылова и Гнѣдича, и на памятникѣ подъ барельефомъ поэта, высѣчены два стиха изъ неоконченной имъ поэмы „Вѣра и невѣріе“:

Въ смиреньи сердца надо вѣрить
И терпѣливо ждать конца.

М. Л. Гофманъ.